

Жорж Сименон

# Мегрэ и субботний клиент

<http://book.zehinli.info>

## ГЛАВА I

Память человека имеет обыкновение машинально регистрировать некоторые весьма незначительные факты и события, и они, без всякой на то причины, надолго заседают у него в голове.

Так, наверное, и Мегрэ, спустя многие годы, мог бы по минутам восстановить все, что происходило во второй половине того спокойного дня на набережной Орфевр.

Прежде всего, комиссару вспомнились бы настенные часы из черного мрамора, оправленные в бронзу: они показывали тогда восемнадцать минут седьмого, а на самом деле было чуть более шести с половиной часов. В соседних десяти кабинетах полицейского управления - у начальника и заведующих отделами - висели точно такие же часы с канделябрами, и с незапамятных времен они точно так же отставали.

Почему эта мысль пришла ему в голову именно в тот день? Он даже попытался подсчитать, сколько контор, учреждений и министерств получили когда-то от некоего Ф.Ледана, имя которого красовалось на светлом циферблате, целую партию подобных часов. Мегрэ мысленно представил себе, с помощью каких ухищрений и интриг этому часовщику-пройдохе удалось повернуть столь выгодную сделку.

Судя по стилю часов, Ф.Ледан умер пятьдесят, а может быть, и сто лет тому назад.

Лампа с зеленым абажуром тогда горела - это был январский день. Точно такие же лампы имелись во всех кабинетах управления уголовной полиции.

Люка, стоявший у стола Мегрэ, складывал в желтоватую папку документы, которые поочередно передавал ему комиссар.

- Я оставляю Жанвье в "Крийоне"?

- Да, но долго там не держи. Замени его кем-нибудь вечером.

В шикарных гостиницах на Елисейских полях произошла серия краж драгоценностей, и полиция установила там тайное наблюдение.

Мегрэ машинально нажал на кнопку звонка. В дверях тотчас же появился старый служащий управления Жозеф.

- Ко мне на прием никого нет?

- Только эта сумасшедшая-Комиссар не принимал ее всерьез. Вот уже в течение нескольких месяцев раза два-три в неделю эта женщина приходила на набережную Орфевр, молча проскальзывала в приемную, где принималась чего-то вязать. На прием она не желала

записываться. Когда женщина появилась в первый раз, Жозеф спросил, кто ее вызывал в управление.

Она хитро улыбнулась и тоном шаловливой проказницы ответила:

- Меня пригласит к себе в кабинет комиссар Мегрэ, если я ему понадоблюсь...

Жозеф протянул ей регистрационную карточку. Она заполнила ее ровным почерком, похожим на почерк монахини. Ее звали Клементина Фолиен, и проживала она на улице Ламарк.

В тот раз принять посетительницу комиссар попросил Жанвье.

- Вас вызывали?

- Комиссар Мегрэ в курсе дела.

- Он направлял вам повестку?

Она снова улыбнулась. Щуплая с виду, полная грации, несмотря на свой возраст, она заявила:

- Повестка мне не нужна.

- Вы хотите что-то сообщить?

- Возможно.

- Комиссар сейчас очень занят.

- Ничего. Я подожду.

Она прождала до семи часов вечера, а потом ушла. Через несколько дней старуха появилась снова в той же сиреновой шляпке, с тем же вязаньем. С видом постоянной посетительницы она уселась на тот же самый стул в приемной с застекленными дверями.

На всякий случай о ней навели справки. Как выяснилось, долгое время она содержала галантерейную лавку на Монмартре и получала от нее солидные доходы. Племянники и племянницы неоднократно пытались поместить старую тетку в психиатрическую лечебницу, но всякий раз врачи отправляли ее назад, заявляя, что опасности для окружающих она не представляла.

Откуда же она выкопала имя Мегрэ? Комиссара в лицо она не знала: он несколько раз проходил через приемную мимо сидевшей там женщины, и она даже не взглянула на него.

- Ну, старина Люка, на сегодня все!

Рабочий день в ту субботу закончился необычно рано. Мегрэ набил табаком трубку, достал из гардероба пальто, шляпу и шарф.

Проходя через приемную, комиссар, на всякий случай, отвернул лицо в сторону от посетительницы. Во дворе полицейского управления он сразу же погрузился в желтоватый туман, который со второй половины дня окутал весь Париж.

Мегрэ не спешил. Подняв воротник пальто, засунув руки в карманы, он обогнул Дворец правосудия, прошел под большими часами и пересек Мост менял. Дойдя до его середины, он почувствовал, что кто-то идет за ним по пятам и быстро оглянулся. Прохожие, зябко поеживаясь от холода, двигались быстрым шагом. Комиссару показалось, что сзади, метрах в десяти от него, какой-то мужчина, одетый во все серое, резко свернул в сторону.

Мегрэ не придал этому значения, решив, что это ему только показалось.

Спустя несколько минут он уже ожидал автобуса на площади Шателе.

Когда тот прибыл, комиссар пробрался на открытую площадку, где он мог свободно курить трубку. Он готов был поклясться, что табак тогда казался ему каким-то необычным на вкус. Возможно, причиной тому был туман или свежий воздух, но каждая затяжка доставляла ему удовольствие.

Никаких мыслей в голове у Мегрэ не было, он лишь рассеянно смотрел на покачивающиеся головы стоявших рядом пассажиров.

Выйдя из автобуса, он так же не спеша зашагал по тротуару. Дойдя до безлюдного бульвара Ришар-Ленуар, комиссар увидел свет в окнах своей квартиры. Поднимаясь по знакомой лестнице, он замечал полоски света под дверями, слышал голоса, звуки радио.

Как всегда, дверь открылась сразу же, едва лишь он нажал на кнопку звонка, и мадам Мегрэ, заслоняя собой свет, таинственно приложила палец к губам.

Комиссар вопросительно посмотрел на жену, пытаясь разглядеть, что происходило у нее за спиной.

- У нас гость.

- Что за гость?

- На знаю... Вид у него довольно странный...

- Что он тебе сказал?

- Что ему необходимо поговорить с тобой...

- Как он выглядит?

- Не могу сказать, но от него разит спиртным... Судя по запаху, доносившемуся из кухни, жена приготовила на ужин лотарингскую запеканку.

- Где он?

- Я предложила ему пройти в гостиную...

Она помогла мужу снять пальто, шляпу и шарф. Мегрэ подумал, что в квартире было не так светло, как обычно, но ему, видимо, это только показалось. Пожав плечами, он толкнул дверь в гостиную, куда они поставили купленный около месяца назад телевизор.

В углу стоял мужчина, пальто он не снял, а шляпу держал в руке. Вид у него был смущенный, и, казалось, он не решался посмотреть комиссару в глаза.

- Прошу прощения за то, что шел за вами чуть ли не до самого дома...

- тихо проговорил он.

Мегрэ сразу же заметил у него заячью губу. Он вовсе не считал, что стоявший перед ним гость в чем-то виноват.

- Это вы приходили на набережную Орфевр и хотели попасть ко мне на прием?

- Да, я приходил туда несколько раз...

- Вас зовут... Погодите... Планшон...

- Верно, Леонар Планшон.

И еще более униженным тоном он повторил:

- Прошу простить меня...

Он огляделся, бросил взгляд на приоткрытую дверь, словно опять хотел убежать. Сколько же раз он вот так уходил, не попав в кабинет комиссара?

Раз пять, не меньше. И всегда в субботу после полудня. В конце концов коллеги Мегрэ стали называть его "субботним клиентом".

Случай с Планшоном был чем-то похож на историю с сумасшедшей старухой. В управлении уголовной полиции, как и в редакциях газет, отираются всякого рода люди, поведение которых выглядит странно в той или иной степени. Самых назойливых таких визитеров в управлении знали уже в лицо.

- Сначала я вам написал... - прошептал мужчина.

- Присаживайтесь.

Через застекленную дверь посетитель увидел накрытый на кухне стол и спросил:

- В этот час вы обычно ужинаете, не так ли?

- Присаживайтесь, - повторил комиссар со вздохом.

Хотя он и вернулся сегодня домой раньше обычного, с ужином, видимо, придется подождать. Так и быть с этой запеканкой! Да и любимая телевизионная передача уже пройдет! За последние несколько недель он и жена привыкли ужинать, глядя на экран. Чтобы лучше видеть, они даже передвинули стол на кухню.

- Вы сказали, что писали мне?

- Да, я написал около десятка писем.

- Вы их все подписали?

- Первые письма я не подписывал... Я их порвал... Да и остальные тоже порвал... Тогда и решил встретиться с вами...

Теперь и Мегрэ учуял запах спиртного от своего собеседника, но тот вовсе не выглядел пьяным. Он, похоже, сильно нервничал и так сжимал пальцы на руках, что фаланги побелели. Немного освоившись с обстановкой, он начал посматривать на комиссара, и во взгляде его читалось отчаяние.

Сколько же ему было лет? Трудно определить: ни молодой, но и не старый, и складывалось впечатление, что он был таким всегда. Может, ему лет тридцать пять?

Нелегко было определить и к какой социальной категории он принадлежал. Его одежда была плохого покроя, но хорошего качества. Очень чистые руки указывали на то, что он занимался физическим трудом.

- Почему вы порвали эти письма?

- Боюсь, вы примете меня за сумасшедшего...

И подняв глаза, он добавил, словно хотел убедить Мегрэ:

- Я вовсе не сумасшедший, господин комиссар... Умоляю вас, поверьте мне - я не сумасшедший. Обычно это было плохим признаком, но Мегрэ все же поверил ему. Он слышал, как жена суетится на кухне. Должно быть, она вынула из печи запеканку, которую ему так и не придется поесть горячей.

- Итак, вы написали мне несколько писем... Затем приходили на набережную Орфевр... Каждую субботу, если не ошибаюсь?

- Да. По субботам я не работаю...

- Чем вы занимаетесь, господин Планшон?

- У меня малярная мастерская... О, совсем небольшая... В разгар сезона у меня работают пять или шесть маляров... Сами видите, что это немного...

Из-за заячьей губы невозможно было понять, улыбается ли он или морщится. Глаза у него были светло-голубые, а волосы светло-рыжие.

- Первый раз вы приходили в полицейское управление около двух месяцев тому назад... В карточке вы указали, что желаете видеть меня лично...

Почему?

- Потому что я мог бы довериться только вам... Я прочел в газетах...

- Хорошо! В ту субботу вы ждали в приемной всего лишь десять минут, а потом ушли...

- Я испугался...

- Чего вы испугались?

- Я подумал, что вы не воспримете мою историю всерьез... Или помешаете совершить мне то, что я задумал...

- В следующую субботу вы явились снова...

- Да...

В тот день Мегрэ вместе с начальником управления и двумя заведующими отделами был на конференции. Когда он освободился, в приемной уже никого не было.

- Вы по-прежнему боялись?

- Скорее, меня терзали сомнения...

- Сомнения в чем?

- Я сомневался, стоит ли мне доводить до конца то, что я задумал...

Он провел рукой по лбу.

- Мне трудно вам объяснить... Видите ли, временами я и сам не знаю, как поступить...

Когда Планшон явился в третий раз, Мегрэ поручил Люка принять его. Но посетитель отказался сообщить цель своего визита, заявив, что пришел по личному делу, и буквально сбежал из приемной.

- Кто вам дал мой адрес?

- Я следил за вами... В прошлую субботу я чуть было не подошел к вам прямо на улице, но потом подумал, что это не совсем подходящее место для беседы... Ваш кабинет меня тоже не устраивал... Возможно, вы поймете меня...

- Откуда вы узнали, что сегодня вечером я вернусь с работы прямо домой?

Внезапно Мегрэ вспомнил, как ему показалось на мосту, что кто-то шел за ним по пятам.

- Вы следили за мной уже на набережной, не так ли? Планшон утвердительно кивнул головой.

- И шли за мной до автобусной остановки?

- Да, верно... Когда вы сели в автобус, я взял такси и приехал сюда раньше вас...

- У вас произошли неприятности, господин Планшон?

- Хуже чем неприятности.

- Сколько рюмок вы выпили до того, как пришли сюда?

- Две... А может быть, три?... Раньше я не пил, разве лишь позволял себе стаканчик вина за обедом...

- А теперь?

- Смотря когда... Днем я не пью, а только по вечерам... Прежде чем прийти к вам, я выпил три рюмки коньяка для храбрости... Вам это неприятно?

Мегрэ неторопливо курил трубку, не отрывая глаз от собеседника и пытаясь составить о нем свое мнение. Сделать это было трудно: слишком противоречиво вел себя Планшон, это сбивало комиссара с толку. Он видел, что посетитель с трудом сохранял самообладание, весь его облик говорил о постигшей его беде, и в то же время он пытался сдержать свои чувства.

Мегрэ мог бы поклясться, что Планшон был человеком замкнутым и все переживания хранил в себе. Однако вот уже два месяца его мучило желание поделиться с кем-нибудь своим горем. Несколько раз, по субботам, он пытался поговорить с Мегрэ, но в последний момент уклонялся от встречи с ним.

- Может быть, будет лучше, если вы расскажете мне свою историю?

Планшон вновь посмотрел в сторону кухни, где на столе, напротив телевизора, стояли два прибора.

- Мне очень неудобно, что я улетаю вам ужинать... Это долгая история... Боюсь, что ваша жена на меня рассердится... Послушайте!..

Может, я подожду здесь, а вы поужинаете?... Или я зайду попозже... Да, так будет лучше! Я скоро вернусь...

Он уже собирался встать, но комиссар знаком удержал его на месте.

- Нет, господин Планшон!.. Лучше поговорим сейчас, согласны?..

Поделитесь со мной тем, что вас тревожит... Расскажите, о чем вы писали мне в письмах, которые затем порвали...

Посетитель, уставившись взглядом на цветные узоры ковра, вдруг негромко произнес:

- Я хочу убить свою жену...

После этих слов Планшон посмотрел прямо в глаза комиссару, и тому с трудом удалось скрыть удивление.

- Вы намерены убить жену?

- Я просто вынужден это сделать!.. Другого выхода нет... Не знаю, как вам все объяснить...

Каждый вечер я твержу себе, что это должно произойти когда-нибудь... Поэтому я и подумал, что если все расскажу вам...

Вынув платок из кармана, он принялся протирать стекла очков, пытаясь подыскать необходимые для объяснения слова. Вдруг Мегрэ заметил, что одна из пуговиц его пиджака висела на нитке.

Несмотря на волнение, Планшон перехватил взгляд комиссара, и на лице его, обезображенном заячьей губой, появилась то ли улыбка, то ли гримаса.

- Да... И из-за этого тоже... - произнес он, едва слышно. - Она даже перестала притворяться...

- Притворяться в чем?

- Ну, делать вид, что заботится обо мне... Что она по-прежнему моя жена...

Уж не жалел ли он о том, что пришел сюда? Сидя на стуле, он ерзал и иногда посматривал на дверь, словно хотел вскочить и убежать из квартиры.

- У меня невольно возникает сомнение: а стоило было обращаться к вам за помощью?.. И вы же, вы - единственный человек, которому я мог бы довериться... У меня такое чувство, что мы уже давно знакомы... Уверен, вы поймете меня...

- Вы ревнивы, господин Планшон?

Их взгляды встретились, и Мегрэ почувствовал, что его собеседник хотел быть с ним полностью откровенным.

- Сейчас я уже не ревную... Ревность мучила меня раньше... А теперь это уже прошло...

- И все-таки вы хотите ее убить?

- Потому что другого решения не существует... Поэтому я и подумал: если напишу или расскажу вам обо всем... С моей стороны, это было бы более порядочно... Ну, а потом, я бы мог отказаться от своих намерений... Вы понимаете? Нет, вы не можете понять, так как не знаете Рене... Извините за столь путаные объяснения... Рене - это моя жена... А мою дочь зовут Изабеллой... Ей семь лет... Это единственное, что меня держит в этом мире... А у вас есть дети?..

Он снова огляделся вокруг, будто искал что-то, что могло подтвердить его слова: какую-нибудь брошенную на пол игрушку, любую деталь, указывающую на присутствие ребенка в доме.

- Они и ее хотят отнять у меня... Они все делают для этого... Причем даже не скрывают своих намерений... Видели бы вы, как они ко мне относятся... Вы думаете, что я совсем спятил?

- Нет, я так не думаю.

- Может, это было бы и лучше... Меня сразу же поместили бы в лечебницу... Убей я свою жену, я тоже там бы оказался... Или если я прикончу его... Но вообще-то мне нужно убить их обоих... Тогда меня посадят в тюрьму, а кто, в таком случае, позаботится об Изабелле?

Видите, как все сложно?.. Я продумал все возможные варианты... Особенно тщательно один из них... Ведь я не хочу попасться... Люди подумали бы, что они оба уехали... Из газет я узнал, что в

Париже ежегодно исчезают тысячи женщин, а полиция даже и не пытается их разыскивать... И уж тем более, если речь идет о паре любовников... Знаете, я даже подыскал заранее место, куда можно было бы спрятать их тела... Я тогда работал на стройке, что за Монмартром... Там заливали бетон... Доставь я туда ночью на грузовике трупы, их бы никогда не обнаружили...

Теперь он говорил возбужденно, скороговоркой, не переставая следить за тем, как комиссар реагирует на его слова.

- Ваши посетители заявляли когда-нибудь, что они хотели убить жену и ее любовника?

Вопрос был настолько неожиданным, что Мегрэ удивленно стал рыться в памяти.

- Случалось, но несколько по-другому, - ответил он наконец.

- Думаете, я лгу и придумал эту историю, чтобы вызвать внимание к себе?

- Нет, я так не думаю.

- Вы верите, что я действительно хочу убить жену?

- Я вижу, что такое намерение у вас есть.

- А я могу, по-вашему, это сделать?

- Вот в это я не верю.

- Почему?

- Потому что вы пришли ко мне.

Планшон резко встал со стула - в таком возбуждении ему не сиделось на месте. Воздев руки к потолку, он воскликнул:

- Ну вот! Так я и думал!.. Поэтому я и уходил всякий раз из вашей приемной... Именно по этой причине я хотел с вами поговорить... Я не преступник... Я честный человек... И все-таки...

Мегрэ тоже поднялся на ноги, взял графин со сливовицей и налил стаканчик своему гостю.

- А вы разве не выпьете сами? - прошептал стыдливо Планшон.

Затем, повернувшись в сторону кухни, он добавил:

- И правда, вы ведь не поужинали... А я все говорю и говорю. Хочу объяснить лучше, но не знаю, с чего начать...

- Может быть, вы предпочитаете, чтобы я задал вам вопросы?

- Наверное, так будет лучше...

- Садитесь.

- Я постараюсь ответить на все вопросы...

- Когда вы женились?

- Восемь лет тому назад...

- До этого вы жили один?

- Да... Я всегда был одинок... С тех пор, как умерла мать, а мне тогда было пятнадцать лет... Мы жили на улице Пикпюс, недалеко отсюда...

Мать работала домашней прислугой...

- А ваш отец?

- Его я не знал... Планшон покраснел.

- Вы где-то учились?

- Да... Я выучился на маляра... Мне было двадцать шесть лет, когда мой хозяин, живший на улице Толозе, сообщил, что из-за сердечной болезни он решил уехать в деревню...

- Вы купили у него малярную мастерскую?

- Да, у меня были сбережения... Я почти ничего не тратил... И все же мне пришлось платить своему хозяину шесть лет...

- Где вы познакомились с женой?

- Вы бывали на улице Толозе, которая выходит на улицу Лепик, как раз напротив "Мулен де ла Галет"? Там тупик, и улица заканчивается лестницей в несколько ступеней... Я живу внизу, у этой лестницы. У дома есть двор - это очень удобно, чтобы хранить малярные лестницы и все необходимые инструменты...

Возбуждение Планшона постепенно спало, речь его стала более ровной, монотонной.

- В середине улицы, налево, если по ней подниматься, есть зал для танцев под аккордеон, куда я заходил по субботам вечером на час или два...

- Вы танцевали?

- Нет. Я усаживался в углу, заказывал лимонад, так как спиртного еще не пил, слушал музыку и смотрел на танцующие пары...

- Подружки у вас были? Планшон стыдливо ответил:

- Нет...

- Почему?

Он дотронулся рукой до губы.

- Я ведь не красавец и поэтому всегда стыдился женщин... Мне казалось, что мой физический недостаток вызывает у них лишь отвращение...

- И повстречали ту, которую звали Рене?..

- Да.. В тот вечер в зале было много народу... Мы оказались за одним столиком... Я не решился заговорить с ней... Она вела себя так же робко, как и я... Чувствовалось, что она не привыкла...

- К танцам?

- К танцам, к Парижу, ко всему... Наконец она заговорила и рассказала, что приехала в город чуть меньше месяца назад... Я спросил, откуда она была родом... Оказалось, что Рене родилась в Сен-Совер, возле Фонтеней-ле-Конт, в Вандее, то есть рядом с деревней моей матери... В детстве я с ней ездил туда несколько раз к теткам и дядям... Мы с Рене разговорились, вспомнили знакомых нам людей...

- Чем занималась Рене в Париже?

- Она была подсобной работницей в молочном магазине, который находится на улице Лепик...

- Она моложе вас?

- Мне тридцать шесть, а ей двадцать семь лет... То есть почти десять лет разницы... Тогда ей едва исполнилось восемнадцать...

- Вы быстро поженились?

- Где-то месяцев через десять... Потом у нас появился ребенок, девочка, Изабелла... И все время, когда жена была беременна, я боялся...

- Чего вы боялись?

Он снова показал на заячью губу.

- Мне сказали, что эта болезнь передается по наследству... Но, слава богу, дочь родилась нормальной... Она похожа на свою мать, и только волосы и глаза у нее светлые, как у меня..

- Ваша жена брюнетка?

- Как и большинство женщин в Вандее. Говорят, это из-за того, что туда ездили ловить рыбу португальцы...

- А теперь вы хотите ее убить?



- Другого выхода я не вижу... Раньше мы все трое были счастливы...

Рене, возможно, и не очень хорошая хозяйка... Ее детство прошло на ферме, где не слишком следили за чистотой и порядком... В тех болотах такие фермы называют лачугами, и случается, что зимой их заливают вода..

- Я это знаю..

- Вы там бывали?

- Да.

- После работы мне приходилось самому заниматься домашними делами...

В то время жена безумно увлекалась кино и после обеда оставляла Изабеллу консьержке, а сама ходила смотреть фильмы...

Горечи в его голосе совсем не чувствовалось.

- Я ни на что не жаловался. Ведь она была первой женщиной, которая посмотрела на меня, как на нормального мужчину... Вы понимаете это, правда?

Он не осмеливался больше смотреть в сторону кухни.

- Я не даю вам поужинать! Что подумает ваша жена?..

- Продолжайте... Сколько времени вы были счастливы?

- Погодите... Мне это никогда даже не приходило в голову... Не помню точно, когда все началось... У меня было небольшое предприятие... Все, что зарабатывал, я тратил на дом: заново покрасил его, переделал на современный лад, оборудовал красивую кухню... Если вы у нас будете...

Нет, вы не придете!.. Ну так вот, это значит, что...

Он снова стиснул пальцы, покрытые рыжеватым пушком.

- В моем ремесле вы, должно быть, не очень разбираетесь... Бывают сезоны, когда работы много, а иногда случается, что ее почти нет...

Поэтому трудно сохранять один и тот же состав рабочих... Кроме старого Жюля, которого мы называем Папашей - он работал еще при прежнем хозяине, - я меняю маляров почти каждый год...

- До того дня...

- До того дня, когда появился Роже Пру... Это красивый, физически крепкий, хитрый мужчина, знающий свое дело... Вначале я был очень доволен, что заимел такого компаньона, как он, потому что на стройке я мог полностью на него положиться...

- Он принялся ухаживать за вашей женой?

- Честно говоря, не думаю... Женщин у него было столько, сколько ему хотелось, и иногда на него клевали даже клиентки... Ничего не могу сказать, так как ничего такого не замечал, но уверен, что первой начала Рене... Ее можно понять... У меня не только безобразное лицо, но я и не способен развлечь женщину...

- Что вы этим хотите сказать?

- Ничего... По натуре я не очень веселый... В гости ходить не люблю... Предпочитаю проводить вечера дома, а по воскресеньям прогуляться с женой и дочерью... Несколько месяцев я ничего не подозревал... Когда мы работали на стройке, случилось, что Пру заскакивал на улицу Толозе, чтобы взять там необходимый инвентарь... И вот однажды, это было два года назад, я неожиданно вернулся домой. Дочь была на кухне одна... Я до сих пор это помню... Она сидела на полу... Я спросил ее: "А где мама?" Она показала ручкой на спальню и ответила:

"Там". В то время дочери было пять лет. Когда я вошел в спальню, то застал их полуголыми. Пру выглядел смущенным, а жена посмотрела на меня прямо в лицо и заявила: "Ну что ж! Теперь ты все знаешь!"

- Как вы отреагировали?

- Я ушел... Бесцельно бродил где-то, не зная, что делать... Не помню, как очутился за стойкой какого-то бара и впервые в жизни напился. Прежде всего я думал о дочери. Мне хотелось, чтобы она осталась со мной... Я твердил себе: "Она моя!.. Они не имеют на нее никаких прав..."

Проблуждав неизвестно где почти всю ночь, я вернулся домой. Меня совсем развезло. Жена встретила меня со злым видом и, когда меня вырвало на ковер, проворчала: "Ты мне омерзителен!".. Ну вот, с этого все и началось. Еще недавно я чувствовал себя счастливым человеком, и вдруг все изменилось...

- Где живет Роже Пру?

- На улице Толозе, - тихо проговорил Планшон, опустив голову.

- Все эти два года?

- Да, приблизительно...

- Он живет с вашей женой?

- Мы живем в доме все трое...

Он принялся снова протирать стекла очков. Мегрэ заметил, что ресницы у его собеседника слегка подрагивали.

- Вам все это кажется невероятным?

- Нет, почему лее.

- Понимаете, разве я мог ее покинуть?

- Кого, свою жену?

- Вначале я оставался в доме из-за нее. А теперь и не знаю. Думаю, что живу там ради дочери, но, возможно, это и не так... Видите ли, мне казалось, что я не могу жить без Рене... Сама мысль снова стать одиноким... Да я и не имел права выгнать ее вон. Ведь это я взял ее в свой дом, я просил ее выйти за меня замуж... Разве в какой-то степени я за нее не отвечаю?

Он шумно сопел, косясь на графин. Мегрэ налил ему второй стаканчик, который Планшон выпил залпом.

- Вы, вероятно, думаете, что я пьяница... Я действительно почти им стал... По вечерам они не желают видеть меня в доме и чуть ли не выставляют меня за дверь... Вы не представляете, как они злятся на меня...

- Пру поселился в доме в тот же день, когда вы их застали в спальне?

- Нет... Не сразу... На следующий день я удивился: он вел себя на работе так, будто ничего не произошло... Я не решался спросить у него, как он собирался поступить... Я боялся, как уже говорил, потерять жену... И совсем не чувствовал, что нахожусь у себя дома... С женой я не разговаривал... Уверен, что они продолжали встречаться, а вскоре и вовсе перестали таиться... Домой, я не решался возвращаться, а когда входил в дом, то нарочно шумел, чтобы предупредить их о своем присутствии...

Однажды вечером он остался на ужин... Это было в день его рождения, и Рене постаралась хорошо приготовить еду... На стол выставили бутылку игристого вина... За десертом жена обратилась ко мне: "Ты не хочешь немного прогуляться? Разве не понятно, что ты нам мешаешь?" И я отправился на улицу... Зашел в какой-то бар выпить... Задавал себе вопросы и пытался на них ответить... Давал самые различные объяснения тому, что произошло... Тогда мне и мысль не приходила в голову, чтобы убить их, клянусь вам!.. Вы мне верите, господин комиссар?.. Не принимаете ли вы меня за сумасшедшего?.. Скажите мне, что я не такой уж отвратительный тип, как это утверждает моя жена. Силуэт мадам Мегрэ мелькнул за стеклянной дверью в кухне, и Планшон простонал:

- Вы так и не поужинали из-за меня... Почему вы не идете есть?

Время ужина прошло, да и любимые телевизионные новости, наверное, уже закончились.

## ГЛАВА II

Несколько раз у Мегрэ появлялось желание ущипнуть себя, словно он хотел убедиться в том, что этот энергично жестикулировавший человек, сидевший напротив него, существовал наяву, что они оба в действительности вели беседу.

Планшон выглядел самым обыкновенным человеком, одним из тех миллионов заурядных тружеников, которых можно каждый день встретить в метро, автобусе или на тротуаре. Они скромно и с достоинством направляются бог весть куда, чтобы выполнить все, что предназначено им судьбой.

Парадоксально, но заячья губа еще больше обезличивала его, будто все имевшие этот физический недостаток были похожи друг на друга.

На долю секунды комиссару даже показалось, что Планшон нарочно, с каким-то дьявольским умыслом, предпочел встретиться с ним здесь, на бульваре Ришар-Ленуар, у него дома, а не в служебном кабинете на набережной Орфевр. Не потому ли он несколько раз ретировался из приемной с застекленными дверями, стены которой были увешаны фотографиями погибших на своем посту полицейских?

В уголовной полиции, где комиссару доводилось выслушивать тысячи исповедей, где он сам вытягивал из многих преступников волнующие душу показания, Мегрэ принял бы своего посетителя гораздо суше.

А здесь комиссар был у себя дома, его окружала привычная уютная обстановка, на кухне сутилась жена, он ощущал запахи вкусного ужина, вокруг находились мебель, различные предметы, которые многие годы оставались каждый на своем месте. Входя в квартиру, Мегрэ всякий раз как бы погружался в эту знакомую атмосферу, словно надевал на плечи старый пиджак, и настолько привык к ней, что, далее спустя месяц после покупки, телевизор, стоявший возле застекленной двери гостиной, казался ему инородным предметом.

Разве мог в таких условиях Мегрэ так же четко и умело допрашивать своего гостя, как он это делал в своем рабочем кабинете, когда допросы длились иногда по несколько часов, а то и всю ночь, после чего комиссар выглядел таким же утомленным, как и его визави?

Впервые за всю свою карьеру полицейского, Мегрэ принимал посетителя не в кабинете, а у себя дома. Планшон долго не осмеливался встретиться с комиссаром, следил за ним на улице, чтобы узнать, где он живет. А до этого, по словам Планшона, тот написал Мегрэ около десятка писем, но все их порвал, а потом несколько раз приходил в управление уголовной полиции, где много часов провел в приемной. И вот с униженным видом этот совсем неприметный, ничем особо не выделяющийся посетитель, явился к Мегрэ на квартиру, чтобы по сути дела заявить:

- Я хочу убить свою жену и ее любовника. У меня есть готовый план, в котором я предусмотрел все до деталей, чтобы не попасться...

И Мегрэ вовсе не скептически воспринял подобное заявление: он внимательно выслушал рассказ Планшона и следил за выражением его лица.

Комиссар почти уже не жалел о пропущенной телевизионной передаче.

Телевизор они с женой купили недавно, и по вечерам, сидя рядом друг с другом, много времени проводили на кухне, заморожено глядя на экран.

Больше того, Мегрэ так сочувствовал своему собеседнику, что, когда тот вновь показал на хлопотавшую на кухне жену комиссара, он чуть было не предложил ему:

- Может, и вы перекусите с нами..

Потому что Мегрэ очень хотелось есть и он догадывался, что их беседа затянется еще надолго. Мегрэ хотелось знать об этой истории все, чтобы избежать какой-нибудь ошибки, в голове у него возникало множество вопросов, которые он собирался задать Планшону.

Два или три раза тот с тревогой спрашивал:

- Скажите, вы не принимаете меня за сумасшедшего?

Такое подозрение у комиссара возникало. По своему опыту он знал, что существуют различные степени безумства, и старая владелица галантерейного магазина, приходившая с вязаньем в приемную полицейского управления и заявлявшая, что она может понадобиться комиссару, являлась тому ярким подтверждением.

Прежде чем прийти домой к Мегрэ, Планшон выпил. Он признался, что выпивал каждый вечер, да и комиссар налил ему стаканчик сливовицы, поскольку тот явно в этом нуждался.

Алкоголики легко погружаются в свой, принадлежащий только им мир грез и видений, искренне принимая их за реальность. И постороннему человеку подчас трудно отличить, что является истиной, а что выдумкой.

Такие мысли приходили на ум Мегрэ, когда он слушал своего собеседника, но комиссар так и не мог сделать окончательного заключения.

Он лишь старался лучше понять, какие чувства обуревали Планшоном, мысленно ставил себя на его место.

- Вот тогда я и начал понимать, что я лишний, - продолжал свой рассказ Планшон, поглядывая на Мегрэ светлыми глазами. - Не знаю, как вам объяснить. Я любил ее. Кажется, и сейчас еще люблю. Да, уверен, что еще люблю ее и буду любить по-прежнему, даже если мне придется ее убить.

Кроме моей матери, она единственная, кто отнеслась ко мне, как к нормальному человеку, а не уроду... Да и потом, это же моя жена... В чем бы она ни провинилась передо мной, она все же моя жена, не так ли?... Она подарила мне Изабеллу... Она носила ее в своей утробе... Вы не можете себе представить, какие месяцы я пережил, когда она была беременной...

Случалось, я вставал перед ней на колени и благодарил за... Мне трудно выразить это словами... В ней был кусочек моей жизни, понимаете? И Изабелла - это же частичка нашей совместной жизни...

До женитьбы я был совсем одинок... Никому не был нужен, никто не ждал меня дома по вечерам... Я работал, сам не знаю для чего...

И вот теперь она нашла любовника, а я даже не могу на нее сердиться... Она молода... Красива... И Роже Пру крепче, чем я... Он смахивает на животное, полисе сил и здоровья-Мадам Мегрэ, видимо, смирилась и не делала никаких знаков из кухни. Комиссар медленно набивал табаком очередную трубку.

- Я всякое передумал... Убеждал себя, что эта история долго не продлится и что Рене вернется ко мне, потому что, несмотря ни на что, мы привязались друг к другу,.. Я вам не надоел?..

- Нет. Продолжайте.

- Сам не знаю, что еще рассказать... В письмах все выглядело гораздо понятнее и намного короче... Если бы я ходил в церковь, как во времена, когда еще была жива мать, то, наверное, я бы исповедовался священнику...

Не помню уж, как мне пришла в голову мысль встретиться с вами... Вначале я думал, что у меня не хватит духу прийти к вам... А теперь, когда я у вас Дома, никак не могу собраться с мыслями и все связно объяснить...

Клянусь вам, если я много говорю, то это не потому, что выпил несколько рюмок... Я заранее обдумал все, что должен был вам рассказать... Так на чем я остановился?

Глаза его часто моргали, в руках он вертел медную пепельницу, которую машинально взял со столика.

- Вечером, в день рождения Пру, они выставили вас за дверь...

- Не насовсем. Они знали, что я вернусь, и послали меня просто прогуляться, чтобы провести вечер вдвоем...

- Вы надеялись, что у жены это было всего лишь мимолетное увлечение?

- Вы считаете меня таким наивным?

- Что произошло дальше? ..

Планшон вздохнул, покачал головой, словно хотел собрать свои мысли воедино.

- С тех пор произошло столько событий!.. Спустя несколько дней после того вечера, я поздно, около двух часов ночи, вернулся домой и увидел в столовой раскладную кровать... До меня не сразу дошло, что она приготовлена мне... Я приоткрыл дверь в спальню... Они лежали на нашей кровати и притворялись спящими... Что мне оставалось делать?.. Роже Пру гораздо сильнее меня... Да и потом, я тогда не очень твердо держался на ногах... Уверен, что верх бы одержал Пру... Я также не хотел устраивать драку, потому что могла проснуться Изабелла... Она еще не понимает всего... Для нее я по-прежнему остаюсь отцом... Я заснул на раскладушке, а утром встал раньше них и ушел в мастерскую... Рабочие смотрели на меня с явной насмешкой. Лишь старый, совершенно седой Жюль, которого мы прозвали Папашей, вел себя по-другому. Он работал еще у прежнего хозяина. Кажется, я вам уже говорил об этом. Мы с ним на "ты". Он зашел в мастерскую и проворчал: "Послушай, Леонар, для тебя самое время выставить эту самку за дверь... Если не сделаешь это сейчас, то потом тебе не поздоровится..." По моему виду Жюль понял, что у меня не хватит духу прогнать жену из дома. Ок посмотрел мне в глаза, положил руку на мое плечо и со вздохом сказал: "Я не знал, что ты настолько болен..."

Но больным я не был. Я просто продолжал ее любить, она была мне нужна, я хотел чувствовать, что она рядом со мной, пусть далее и спала с другим. Прошу вас, господин Мегрэ, ответьте мне откровенно...

Он не сказал "господин комиссар", как это пришлось бы ему сделать в управлении уголовной полиции. Обращение "господин Мегрэ" означало то, что он пришел к Мегрэ не как к полицейскому, а как к человеку, именно с которым он и хотел поговорить.

- Вам уже встречались такие случаи, как мой?..

- Вы хотите выяснить, не выгоняли ли своих жен мужчины, узнав о супружеской измене?

- Да, что-то в этом роде...

- Таких историй было у меня много.

- Но для таких мужчин, наверное, оставалось все же место в их доме, да и ради приличия им давали понять, что они по-прежнему что-то значат?.. Со мной все произошло иначе! Вот уже два года, как меня хотят выдворить вон... К столу меня приглашают редко и с неохотой... Лишний не Пру, а я... Во время еды они беседуют между собой, смеются, шутят с дочерью, а меня не замечают, словно я для них призрак...

По воскресеньям они отправляются на грузовике на прогулку за город...

Первое время Изабеллу они не брали с собой, оставляли в доме, и я ее всячески развлекал... Если бы не дочь, может, и я поехал бы с ними? Сам не знаю... Теперь Изабелла часто уезжает с ними, ведь прогулка на машине ей приятнее...

Я терзал себе душу, и не только по вечерам, после нескольких рюмок, но и утром, и днем на работе. А работы у меня по-прежнему хватает...

Меня охватило глубокое отчаяние, и я не знал, как поступить...

Месяца три тому назад я даже решился обратиться к адвокату... Многого я ему не рассказал, как вам: мне показалось, что он слушал мою историю без всякого интереса, и я его раздражал.

"В конце концов, что вы сами-то хотите," - спросил он меня.

"Трудно сказать."

"Вы желаете развестись с женой?" - продолжал допытываться адвокат.

"Сам не знаю... Мне лишь хочется, чтобы дочь осталась со мной".

"Вы можете доказать, что жена изменяет вам?"

"Но я же говорил вам, что каждую ночь сплю на раскладушке, они оба - в нашей спальне"...

"Этот факт должен засвидетельствовать комиссар полиции вашего района... На каких условиях вы вступили в брак?"

- И адвокат разъяснил мне, что, поскольку мы не подписали брачный контракт, то все нажитое нами является общим. Это означает, что моя мастерская, мой дом, мебель, все, принадлежащее мне, включая и носильную одежду, принадлежит моей жене в равной степени, как и мне...

"А моя дочь? - упорно допытывался я у адвоката. - Мне ее оставят?"

"Это будет зависеть от конкретных обстоятельств. Если вы докажете аморальное поведение своей супруги, и если судья..."

Планшон сжал зубы. Немного помолчав, он продолжил свой рассказ:

- Адвокат заявил мне и еще одну вещь... До визита к нему я пропустил для храбрости несколько рюмок... Он это сразу же учуял: я догадался об этом по тому, как он со мной разговаривал: "Судья решит, кто из вас двоих в состоянии создать лучшие условия для жизни ребенка..." Ту же мысль высказала мне и жена. "Почему ты не уходишь? - спрашивала она не раз. У тебя что, совсем нет собственного достоинства? Разве не понимаешь, что ты здесь лишний?" Я упрямо ей отвечал: "Свою дочь я не могу оставить..." - "А разве она не моя? Думаешь, я отдам ее такому пьянице, как ты?"

- Я не пьяница, господин комиссар, - возбужденно убеждал Планшон. - Умоляю, поверьте мне, это только видимость. Раньше я никогда не пил, даже и рюмки не пропускал. Но что мне оставалось делать, когда я вынужден был слоняться по улицам вечерами напролет? Я, естественно, заходил в какой-нибудь бар, устраивался за стойкой, чтобы хоть как-то ощущать вокруг себя людей, слышать их голоса, беседы... Я выпивал одну-две рюмки и начинал размышлять... Чтобы совсем забыться, заказывал еще рюмку, потом другую... Я пытался взять себя в руки и прекратить пить, но чувствовал себя настолько плохо, что однажды чуть не бросился в Сену... Не сделал этого только из-за Изабеллы... Она не должна оставаться с ними... Лишь только представляю себе, что однажды она назовет его папой...

Планшон плакал и, ничуть не стыдясь этого, вынул носовой платок из кармана, чтобы вытереть слезы. Мегрэ не сводил с него взгляда.

Разумеется, какие-то отклонения в психике у него имелись. Был ли причиной тому алкоголизм или нет, но чувствовалось, что Планшон чересчур возбуждался и легко впадал в отчаяние.

Полиция к нему претензий не должна была иметь: ничего преступного он ведь не совершил. Он всего лишь намеревался убить жену и ее любовника, но это были только слова. О своих намерениях он никому вслух не говорил, и поэтому ему нельзя было даже предъявить обвинение в том, что он угрожал жене смертью.

Если строго придерживаться закона, то комиссар только и мог бы сказать Планшону: "Зачем вы пришли сейчас? Приходите после..."

То есть после того, как Планшон убьет жену и ее любовника! При этом комиссар добавил бы, не слишком боясь ошибиться: "Если вы изложите свою историю присяжным, как вы мне ее только что рассказали, и если у вас будет хороший адвокат, то, вполне вероятно, суд вас оправдает..."

Не явился ли сюда Планшон за тем, чтобы комиссар подсказал ему, как поступить в такой ситуации? На какой-то миг в голове Мегрэ мелькнуло подобное подозрение. Он не выносил плачущих мужчин и не верил тем, кто с легкостью изливал свою душу первому встречному, выставляя напоказ чувства, подогретые алкоголем. Это его обычно раздражало.

Мегрэ до сих пор так и не ужинал, и ему не удалось посмотреть любимую телевизионную передачу. А Планшон, казалось, даже и не собирался уходить. Ему, похоже, пришлось по душе атмосфера в этой теплой квартире.

Не получится ли с ним, как с той потерявшейся собакой: каждый, проходя мимо, гладит ее, а затем не может от нее отвязаться?

- Извините меня... - прошептал Планшон, вытирая слезы платком. - Должно быть, я кажусь вам смешным... Но я впервые делюсь своим горем с кем-то...

У Мегрэ было желание ответить ему:

- А почему вы выбрали именно меня?

Потому что о комиссаре много писали газеты, и репортеры создали ему репутацию человеческого полицейского, способного все понять.

- Сколько времени прошло с тех пор, - спросил Мегрэ, - как вы написали первое письмо?

- Больше двух месяцев... Я написал его в маленьком кафе, что на площади Тертр...

Тогда пресса часто упоминала имя Мегрэ в связи с преступлением, которое совершил один восемнадцатилетний юнец.

- Вы написали десяток писем, все их потом порвав? И это приблизительно за неделю...

- Да... Случалось, я писал по два-три письма за один вечер, а потом на следующий день утром я их рвал...

- Затем шесть или семь недель подряд по субботам вы приходили на набережную Орфевр...

По тому, как он являлся в полицейское управление, ожидал в застекленной клетке приемной и исчезал, так и не дождавшись, когда его пригласят в кабинет, он стал такой же легендарной личностью, как и старая хозяйка галантерейной лавки с ее вязаньем. Кто из двоих - Жанвье или Люка - окрестил Планшона "субботним клиентом"?

И все же за это время Планшон не привел свою угрозу в исполнение.

Всякий раз он возвращался в дом на улице Толозе, укладывался на раскладушке на ночь, чтобы встать утром первым и, как ни в чем не бывало, отправиться на работу.

Посетитель был более проникновенным, чем он казался поначалу комиссару.

- Догадываюсь, - негромко произнес он вдруг, - о чем вы только что подумали...

- О чем же я подумал?

- Что я смирился с такой ситуацией, которая существует вот уже два года... И что два месяца назад я принял решение убить жену или обоих сразу...

- Ну и что из этого?

- А то, что я еще этого не сделал... Признайтесь, что эта мысль пришла вам в голову!.. И вы решили, что у меня просто не хватает смелости...

Мегрэ покачал головой.

- Смелость в таком деле не требуется... На убийство может пойти любой дурак...

- А если нет другого выхода?.. Поставьте себя на мое место... У меня были небольшая малярная мастерская, жена, ребенок... И вот я всего лишился... У меня отобрали не только жену и дочь, но и средства к существованию... О своем отъезде они и не заикаются... Считают, что это я лишний и поэтому должен уйти из дома... Именно это я и пытаюсь вам объяснить!.. Даже отношения с клиентами изменились... Раньше Пру был всего лишь одним из моих рабочих, правда, должен

признаться, что в уме и трудолюбии ему нельзя отказать... С клиентами, особенно с клиентками, у него язык подвешен лучше, чем у меня... Я и не заметил, как он стал корчить из себя хозяина, и когда заказчики звонят по делам, то почти всегда желают говорить с ним... Исчезни я завтра, никто этого и не заметит... Может быть, лишь дочь вспомнит обо мне?.. И то я не уверен...

Прю по характеру веселее меня... Он рассказывает Изабелле всякие истории, поет песни, носит ее на плечах...

- Как обращается к нему ваша дочь?

- Как и жена, она называет его Роже и совсем не удивляется, что они спят в одной комнате... Днем раскладушку убирают в стенной шкаф, и мое присутствие в доме таким образом остается незамеченным... Однако пора заканчивать... Я и так отнял у вас много времени... Нужно попросить прощения у вашей жены: она на меня, должно быть, очень сердита...

На этот раз уже Мегрэ не хотел прекращать беседу, пытаясь понять все до конца.

- Послушайте, господин Планшон...

- Да, я вас слушаю.

- Вот уже два месяца вы пытались встретиться со мной, чтобы по сути дела заявить: "Я собираюсь убить жену и ее любовника". Разве не так?

- Да.

- Целых два месяца вы постоянно об этом думаете...

- Да... Мне не остается ничего другого, как...

- Минутку!.. Полагаю, вы не ждали, чтобы я ответил вам: "Делайте то, что вы задумали!"

- Вы просто не имеете права сказать такое.

- Но вы, должно быть, считаете, что я разделяю вашу точку зрения?

Глаза собеседника сверкнули, и по его виду комиссар понял, что он был недалек от истины.

- Одно из двух... Извините меня за резкость... Или у вас не было твердого намерения убить жену и ее любовника, а всего лишь смутное желание, особенно после того, как вы напивались...

Планшон печально покачал головой.

- Дайте мне договорить... Или же, полагаю, вы еще не решили окончательно совершить задуманное и хотите, чтобы вас от этого отговорили...

Посетитель снова сослался на тот же аргумент:

- Ничего другого мне не остается...

- Вы ждете, чтобы я подсказал вам какое-нибудь решение?

- Его не существует.

- Ладно! Допустим, мои предположения неверны... Но у меня есть и другая гипотеза... Вы подготовили реальный план убийства жены и ее любовника... Даже заранее выбрали место, куда можно было бы спрятать трупы...

- Верно. Я продумал все до мельчайших деталей... - Тем не менее, вы пришли ко мне, а ведь моя задача - ловить преступников...

- Я знаю...

- Что вы знаете?

- Что я поступил вопреки всякой логике...

По упрямому выражению, появившемуся на лице, можно было понять, что сила воли у него есть. Начинать он свою жизнь без денег, без образования и профессии. Насколько Мегрэ мог судить, у Планшона был довольно средний интеллект. Оставшись после смерти матери совсем



один в Париже, он тем не менее сумел за несколько лет путем упорных усилий стать хозяином небольшого, но процветающего предприятия.

Разве можно было утверждать, что у этого человека плохо работала голова? Даже если он и запил?

- Вы только что сказали, что, если бы верили в Бога, то пошли бы исповедоваться в церковь...

- Да, верно...

- Как вы думаете, что вам бы сказал священник?

- Даже не знаю... Наверное, он попытался бы меня отговорить...

- А как должен поступить я?

- Вы тоже...

- Значит, вы хотите, чтобы вас задержала полиция и помешала таким образом вам совершить глупость...

Планшон, казалось, растерялся. "Еще минуту назад он смотрел на Мегрэ с доверием и надеждой. И вдруг обнаружилось, что они, оказывается, говорили на разных языках и что вся их беседа ни к чему не привела.

Посетитель покачал головой, и в его глазах появилось что-то похожее на упрек или разочарование. Он еле слышно проговорил:

- Нет, мне хотелось совсем не этого... Похоже, он собирался взять шляпу и уйти, сожалея о своем бесполезном визите.

- Одну минуту, Планшон... Попытайтесь отвлечься от своих мыслей и выслушайте меня...

- Хорошо, господин Мегрэ...

- Принесла бы вам облегчение исповедь священнику? Тем же тихим голосом Планшон ответил:

- Даже не знаю...

Мысли его витали где-то в облаках. Постепенно замыкаясь в себе, Планшон, казалось, едва слушал комиссара, подобно тому, как по вечерам, расположившись у стойки одного из бистро, он смутно различал какие-то человеческие голоса вокруг себя.

- И даже после исповеди вы пошли бы на убийство?

- Думаю, да... Мне пора уходить...

А Мегрэ, словно недовольный тем, что разочаровал посетителя, упорно пытался докопаться до истины, которую, как он считал, Планшон от него скрывал.

- Вы хотите, чтобы вам помешали совершить то, что вы задумали...

- Нет...

И Планшон добавил, слегка улыбнувшись:

- Если только меня посадят в тюрьму, но это невозможно... Пока за мной не будет никакой вины, меня не арестуют...

- Выходит, вы пришли сюда, чтобы вам в некотором роде отпустили ваши грехи... Вам очень хотелось, чтобы я вас понял и не считал чудовищем, а также согласился с тем, что ваш план является единственным решением, которое у вас остается...

Планшон повторил:

- Даже не знаю...

Он настолько ушел в себя, что у Мегрэ возникло желание встряхнуть посетителя за плечи, накричать на него, глядя прямо ему в лицо.

- Послушайте, Планшон...

Комиссар тоже повторялся, произнося одни и те же слова, наверное, в десятый раз.

- Вы только что заметили, что у меня нет оснований для вашего ареста.

Но я могу приказать установить за вами слежку, далее если это не помешает совершить преступление. Вас задержат сразу же после убийства.

Судить вас буду не я, а судьи. Они вовсе не обязаны вас понять и вполне могут обвинить вас в предумышленном убийстве. Вы говорили, что родственников в Париже у вас нет...

- У меня их вообще нет.

- Что станется с вашей дочерью? Ведь вы будете под следствием, а затем предстанете перед судом. А как сложится судьба Изабеллы после вынесения вам приговора? Опять последовал тот же ответ:

- Не знаю...

- Ну, что вы решили?

- Ничего.

- Что вы будете делать?

- Не знаю. Ничего не могу сказать. Я хочу попробовать.

- Что попробовать?

- Привыкнуть ко всему этому.

Мегрэ хотелось крикнуть, что он вовсе не этого добивался от Планшона.

- Что вам мешает уехать?

- С дочерью?

- А почему бы и нет, ведь вы по-прежнему глава семьи.

- А она?

- Вы имеете в виду свою жену?

Планшон стыдливо кивнул головой, а затем добавил:

- А моя мастерская?

Значит, дело обстояло не только в одних чувствах.

- Ладно, я еще подумаю, как мне поступить...

- Мы с вами увидимся вновь?

- Зачем? Ведь я вам все рассказал... Вы и так потеряли из-за меня целый вечер... Ваша жена...

- Оставьте в покое мою жену, займитесь лучше своими проблемами...

Хорошо, можете сюда больше не приходить... Но мне хотелось бы иметь с вами какую-нибудь связь... Не забывайте, вы сами пришли ко мне...

- Прошу простить меня...

- Вы будете звонить мне каждый день...

- Сюда?

- Сюда или ко мне на работу... Прошу вас только о том, чтобы вы не забывали звонить мне...

- Зачем?

- Ни за чем. Просто, чтобы поговорить со мной. Вы лишь скажите мне:

"Я здесь..." И мне этого будет достаточно.

- Хорошо, я выполню вашу просьбу.

- Значит, обещаете звонить каждый день?

- Да, каждый день.

- И если вдруг в какой-то момент вы почувствуете, что готовы осуществить свой замысел, вы мне позвоните?

Планшон помедлил с ответом, взвешивая, казалось, все "за" и "против".

- Выходит, вы считаете, что я на это не смогу пойти, - произнес он наконец. И закончил свою мысль, как крестьянин, торгующийся на ярмарке:

- Понимаете, если я позвоню, чтобы сообщить вам...

- Отвечайте на мой вопрос...

- Хорошо, я вам позвоню...

- Это все, о чем я вас прошу... А теперь возвращайтесь домой...

- Сейчас я не могу...

- Почему?

- Еще не время... Они сидят в столовой... Что мне там сейчас делать?

- Вы собираетесь переждать какое-то время в одном из баров?

Планшон обреченно пожал плечами, бросив жадный взгляд на графин со сливянкой. Раздраженный Мегрэ налил ему последний стаканчик.

- Лучше пейте здесь, чем где-то...

Дерзка стакан в руке и чувствуя себя немного униженным, посетитель колебался.

- Вы меня презираете?

- Никого я не презираю...

- А если вам придется кого-нибудь презирать?..

- Уж конечно не вас...

- Вы говорите это, чтобы как-то меня приободрить?

- Нет. Я действительно так думаю.

Планшон поднялся, взял шляпу и осмотрелся вокруг, словно искал что-то.

- Вы не объясните своей жене...

Мегрэ легонько подталкивал его к двери.

- Я испортил вам весь вечер... И ей тоже...

У порога он остановился: человек маленького роста выглядел таким заурядным, что на улице никто бы не обратил на него внимания.

- До свидания, господин Мегрэ...

Уф! Дверь наконец закрылась, и мадам Мегрэ выпорхнула из кухни.

- Я думала, что он никогда не уйдет и ты от него не избавишься...

Хотела даже войти в гостиную и под каким-нибудь предлогом вызволить тебя...

Она внимательно посмотрела на мужа:

- Ты чем-то озабочен?

- Да, так оно и есть...

- Он сумасшедший?

- Не думаю...

Жена редко задавала ему вопросы, на в этот раз Мегрэ беседовал с посетителем у них дома. Она принесла суп и рискнула спросить мужа тихим голосом:

- Зачем он приходил?

- Исповедоваться.

Она не подала виду, что удивлена, и уселась за стол.

- Почему ты не включаешь телевизор?

- Передача, наверное, уже заканчивается...

Раньше вечером по субботам, когда дела не задерживали Мегрэ на набережной Орфевр, супруги ходили в кинотеатр, не столько посмотреть фильм, а скорее вместе прогуляться. Рука об руку они направлялись к бульвару Бон-Нуфель и чувствовали себя прекрасно даже тогда, когда шагали молча.

- Завтра, - объявил Мегрэ, - мы пойдем на Монмартр...

Как обычно, он возьмет жену под руку, и у них будет вид обычных прогуливающихся прохожих. Комиссару хотелось самому увидеть улицу Толозе, отыскать на ней стоящий в глубине двора дом, где жили Леонар Планшон, его жена, их дочь Изабелла и Роже Пру.

Правильно ли Мегрэ вел беседу или нет? Удалось ли ему найти слова, которые нужно было сказать Планшону? И нашел ли тот на бульваре Ришар-Ленуар то, для чего он, собственно, и приходил?

Сейчас он, вероятно, уже выпивал где-нибудь, мысленно перебирая в голове все, о чем рассказал комиссару.

Трудно было судить, принесло ли Планшону столь желанное и часто откладываемое свидание с комиссаром облегчение или, наоборот, этот визит стал, по его мнению, осечкой.

Впервые Мегрэ расстался с посетителем на пороге своей квартиры и задавал себе вопрос: не убьет ли позднее этот человек свою жену и ее любовника?

Это могло произойти и сегодня ночью, и в любую минуту, даже именно в тот момент, когда Мегрэ об этом подумал.

- Что с тобой?

- Ничего... Не нравится мне вся эта история...

Комиссар подумал, что ему не мешало бы позвонить в полицейское отделение восемнадцатого округа и дать указание установить за домом Планшона наблюдение. Но разве можно поставить наблюдателя в спальне?

Слежка же с улицы ничего бы не дала.

### ГЛАВА III

Это было самое обычное воскресное утро: тусклый рассвет за окном навевал ощущение полной безмятежности и покоя.

В такой день, если ему везло и он проводил его дома, Мегрэ любил понежиться в постели. Даже проснувшись, он не спешил вставать, так как хорошо знал, что жене не нравилось, когда он "путался под ногами" и мешал ей заниматься уборкой.

Обычно Мегрэ слышал, как около семи часов она осторожно, чтобы не разбудить его, вставала с постели, на цыпочках шла к двери, щелкала выключателем в соседней комнате, и полоса света проникала в спальню сквозь дверную щель на полу.

Так и не проснувшись окончательно, Мегрэ вновь засыпал. Подобное происходило каждое воскресное утро и стало уже традицией.

Воскресный сон не был похож на сон в другие дни: он был более глубоким и более приятным. Каждые полчаса до комиссара доносился звон колоколов, в полудреме он смутно ощущал пустоту улиц, отсутствие грузовиков, шум редких автобусов.

В такой день, когда он не вел никаких дел, ничто не заставляло его спешить.

Чуть позже где-то в квартире раздавалось жужжание пылесоса, а потом Мегрэ явственно ощущал приятный запах кофе, который готовила на кухне жена.

Такое происходило, наверное, во всех семьях, и разве подобный ритуал не помогал скрасить самый тусклый начинающийся день.

Мегрэ приснился Планшон. Это был даже не сон. Комиссару почудилось, что его недавний клиент стоит в их небольшой гостиной, но ведет себя совсем иначе, чем накануне. Вместо волнения, отчаяния его лицо, обезображенное заячьей губой, выражало ироническую хитрость. Хотя Планшон и не шевелил губами, Мегрэ казалось, что тот как бы говорил ему:

- Вы же сами видите, что я прав. Мне не остается ничего другого, как убить ее! Вы не можете в этом признаться, потому что служите в полиции и печетесь о своей репутации. Но вы не имеете права арестовать меня до тех пор, пока я не прикончу их обоих...

Чья-то рука легонько трясла Мегрэ за плечо, и знакомый голос, как всегда, произнес:

- Уже девять часов...

Жена протянула ему первую чашку кофе. Обычно он выпивал ее прямо в постели.

- Какая сегодня погода?

- Холодно и ветрено.

Свежая и умывшаяся, в светло-голубом халате мадам Мегрэ раздвинула занавески. Небо по цвету напоминало белый лед.

Не происходило ли то же самое в квартирах, расположенных по другую сторону бульвара Ришар-Ленуар, во всех семьях, которые жили в Париже и других городах? Разве можно было отказаться от этих привычек, устоявшихся воскресных традиций?

- Тебя что-то тревожит? - спросила жена, заметив, что вид у Мегрэ озабоченный и угрюмый. - Меня волнует вчерашний тип.

Жена Планшона не подавала своему мужу горячий кофе по утрам.

Проснувшись после беспокойной ночи, проведенной на раскладушке в столовой и не совсем протрезвевший, он вставал первым и, наверное, слышал в соседней комнате ровное дыхание спящей жены и ее любовника, которые продолжали нежиться в теплой постели.

Казалось, такая картина взволновала Мегрэ больше, чем вчерашняя исповедь его собеседника. Планшон рассказывал, как он проводит свои будничные дни, чем он занимался по воскресеньям. У рабочих его мастерской были выходные. Да и он не работал в воскресенье. В доме у Планшона в этот день, наверное, любили поваляться в постели Рене и ее любовник.

Готовил ли Планшон кофе на всех, накрывал ли он стол на кухне? А его дочь в ночной рубашке и с еще сонным выражением лица, не помогала ли она ему готовить завтрак?

Планшон сказал, что вопросов она не задавала, но это не мешало Изабелле видеть все, что творится в доме. Что она думала о жизни любовников и о жизни своего отца?

Пока Мегрэ ел рогалики, мадам Мегрэ принялась готовить обед. Время от времени супруги переговаривались через дверь в кухню. Вечерние газеты, которые комиссар так и не успел прочитать, лежали на столе рядом с еженедельными журналами. Он всегда оставлял их на воскресное утро.

В полицейское управление он позвонил тоже по привычке. Но в этот раз он сделал это раньше, чем всегда, потому что его терзала тревога.

Дежурил Торранс. Мегрэ узнал его по голосу и представил, как тот сидит в пустом кабинете.

- Какие новости?

- Ничего особенного, шеф. Сообщили об одной краже драгоценностей этой ночью.

- Опять в "Крийоне"?

- Нет, в "Плацце", на авеню Монтеня...

Накануне комиссар распорядился послать в каждый из роскошных отелей на Елисейских полях по одному инспектору.

- Кто там был?

- Ваше.

- Он ничего необычного не заметил?

- Ничего. Метод ограбления тот же...

Разумеется, был изучен список всех предполагаемых похитителей драгоценностей, включая карточки Интерпола. Способ похищения не походил ни на один из способов, известных полиции, и речь наверняка шла о грабителе, который хотел за несколько дней украсть целое состояние и скрыться.

- Ты послал кого-нибудь в помощь Ваше?

- К нему поехал Дюпе. Но сейчас они ничего не смогут сделать. Многие клиенты в отеле еще спят.

Следующий вопрос показался, должно быть, Торрансу странным:

- А в восемнадцатом округе ничего не произошло?

- Ничего, насколько я помню. Подождите, я посмотрю записи. Так...

Берси... Берси... Я просматриваю все Берси...

На полицейском языке это означало задержание пьяниц, которые буянили в той или иной степени и которых отвозили провести остаток ночи в полицейском отделении.

- Драка в четверть четвертого на площади Пигаль... Кража... Еще одна... Поножовщина после танцев на бульваре Ро шешуар...

Обычная сводка происшествий за субботний вечер.

- Убийств не было?

- В журнале об этом ничего не говорится.

- Благодарю тебя. Желаю спокойного дежурства. Позвони мне, если будет что-то новое в "Плацце"...

Как только комиссар положил телефонную трубку, в проеме двери появилась мадам Мегрэ и спросила:

- Переживаешь за типа, что приходил вчера?

Когда вчера они ложились спать, комиссар рассказал ей историю Планшона самым безразличным тоном, словно не принимал ее всерьез.

- Ты не находишь, что он слегка чокнутый?

- Не знаю. Я не психиатр.

- Как ты думаешь, почему он пришел к тебе? Увидев его на лестничной площадке, я сразу поняла, что этот посетитель не похож: на других, и, признаюсь, он меня напугал...

К чему тревожиться? Разве его это касалось? Пока еще нет, во всяком случае. Мегрэ дал жене уклончивый ответ и, удобно устроившись в кресле, углубился в чтение газет.

Минут через десять комиссар встал, нашел телефонный справочник, а в нем - строчку с адресом Леонара Планшона, маляра-подрядчика, проживающего на улице Толозе.

Маляр не схитрил и назвал свое подлинное имя. Минуту поколебавшись, Мегрэ набрал номер, и, пока в трубке звучали длинные гудки, он почувствовал, как у него от волнения перехватило дыхание.

Вначале Мегрэ подумал, что ему никто не ответит, потому что трубку долго не брали. Наконец раздался щелчок, и чей-то голос спросил:

- Вас слушают. Кто говорит?

К телефону подошла женщина и чувствовалось, что у нее плохое настроение.

- Я хотел бы поговорить с господином Планшоном...

- Его здесь нет...

- Это мадам Планшон?

- Да, это я...

- Вы не знаете, когда вернется ваш муж?

- Он только что вышел из дома со своей дочерью...

Мегрэ подметил, что она сказала "со своей дочерью", а не с "моей" или "нашей". Он догадался, что в комнате кто-то подсказывал женщине:

- Спроси, кто звонит...

И в самом деле, после короткой паузы, она спросила:

- Кто со мной говорит?

- Один клиент... Я позвоню попозже...

Комиссар повесил трубку. И так, Рене была жива, Роже Пру, наверное, тоже, а Планшон ушел погулять с дочерью. Значит, на улице Толозе, как и в других семьях, существовали свои воскресные традиции.

Все оставшееся утро Мегрэ старался не думать о Планшоне. Прочитав без большого интереса газеты, он постоял немного у окна, разглядывая, как люди возвращались с воскресной мессы: они шли быстро, наклонившись вперед, и их лица посинели от холода. Затем комиссар принял ванну, оделся, ощущая, как приятные запахи готовящегося обеда проникали во все уголки квартиры.

В полдень супруги пообедали, сидя напротив друг друга, так как телевизор они не включали. Они поговорили о дочери доктора Пардона, ожидавшей второго ребенка, потом о других мелочах, о которых Мегрэ уже не помнил.

Около трех часов, когда посуда была вымыта, а квартира вновь приведена в порядок, он предложил:

- Ты не желаешь прогуляться?

Мадам Мегрэ надела каракулевую шубу. Комиссар выбрал себе самый толстый шарф.

- Куда ты хочешь меня повести?

- На Монмартр.

- А ведь верно. Ты говорил мне об этом вчера. Мы поедем на метро?

- Да, там потеплее...

Они вышли на станции "Плас Бланш" и начали медленно подниматься по улице Лепик. Все лавки там были закрыты ставнями.

Возле улицы Аббес улица Лепик сильно изгибалась, а улица Толозе продолжала идти круто вверх и пересекалась с ней возле "Мулен де ля Галет".

- Он живет здесь?

- Немного выше... прямо у подножия лестницы...

Почти на полдороге, чуть левее, Мегрэ заметил выкрашенный в фиолетовый цвет фасад и на нем буквы, которые освещались вечером: "Бал приятелей". Трое молодых людей стояли на тротуаре и, казалось, кого-то поджидали, а изнутри доносились звуки аккордеона. Танцы еще не начались, и аккордеонист в глубине полутемного зала только разминался.

Именно здесь девять лет назад страдавший от одиночества Планшон совершенно случайно повстречал Рене: в зале было слишком много людей, и официант в спешке посадил девушку за его столик.

Супруги Мегрэ продолжали подниматься вверх по улице и немного запыхались. Между зданиями в пять-шесть этажей еще сохранились несколько низких домов, построенных в те времена, когда Монмартр был еще деревней.

Наконец они достигли решетки, открывающейся в мощеный двор, в глубине которого возвышался каменный павильон, какие встречаются главным образом в предместьях. Это было одноэтажное строение, уже поблекшее, обветшалое.

Стены вокруг окон были с чередованием выложены желтыми и красными кирпичами. Деревянные панели были выкрашены свежей краской голубого цвета, который не гармонировал со всем внешним видом здания.

- Он живет здесь?

Остановиться они не решились и осмотрели лишь то, что могли увидеть.

Мадам Мегрэ позднее вспоминала, что занавески на окнах были очень чистыми. Комиссар же заметил стоящие во дворе малярные лестницы, тачку, деревянный сарай, за окнами которого виднелись бидоны с краской. Гаража во дворе не было, а грузовик куда-то исчез.

Занавески на окнах не шевелились, внутри дома - никаких признаков жизни. Может быть, Планшон, его жена, дочь Изабелла и Пру поехали все вместе на прогулку?

- А теперь куда пойдём?

Мегрэ и сам точно не знал. Ему хотелось посмотреть на дом, и он его увидел.

- Раз уж мы пришли сюда, то давай поднимемся до площади Тертр?

Там они распили в баре графинчик розового вина, и какой-то косматый художник предложил нарисовать их портрет.

В шесть часов вечера супруги вернулись домой. Комиссар позвонил на набережную Орфевр. Дюпе уже вернулся, но ничего нового в "Плацце" он не обнаружил: некоторые постояльцы отеля, прогуляв где-то всю ночь, теперь отсыпались, пропустив время завтрака.

На этот раз Мегрэ смог посмотреть телевизионную передачу. Показывали детективный фильм, но его сюжет был настолько незамысловат, что комиссар что-то недовольно бурчал себе под нос весь вечер.

В глубине души ему нравились воскресные дни своей монотонностью, но еще больше он любил момент, когда в понедельник утром снова входил в свой рабочий кабинет. Придя на летучку, он за руку поздоровался со своими коллегами, и каждый из них делился новостями, но Мегрэ предпочел ничего не рассказывать о визите к нему домой субботнего клиента. Может быть, не хотел выглядеть смешным, так как коллеги могли бы подумать, что он придавал этой истории слишком большое значение?

Понедельник был единственным днем недели, когда все здоровались друг с другом за руку. Мегрэ увидел Люка, Жанвье, юного Лапуэнта, всех других, и каждый, кроме тех, кто дежурил, провел, как и он, воскресенье в семейной обстановке.

После летучки Мегрэ пригласил Лапуэнта и Жанвье к себе в кабинет.

- У вас сохранились карточки, которые вам выдали в связи с делом Ремона?

С тех пор прошло несколько месяцев, ведь расследование велось в начале осени. Тогда задача заключалась в поиске улик против некоего Ремона, действовавшего под разными именами и совершившего ряд афер в нескольких странах Европы. Мошенник жил в однокомнатной мебелированной квартире на улице Понтье, и, чтобы попасть в нее без ведома и не вызвав лишних



подозрений, Жанвье и Лапуэнт однажды утром явились туда, предъявив удостоверения работников какой-то непонятной службы, занимавшейся пересчетом жилой площади.

- Нам нужно измерить каждую комнату, каждый коридор... - заявили они консьержке.

Подмышкой каждый из них держал папку, набитую бумагами. Молодой Лапуэнт с самым серьезным видом записывал данные, Жанвье тем временем измерял все рулеткой.

Действовали они не совсем законно; однако подобный трюк применялся не впервые и мог послужить еще раз.

- Вы пойдете на улицу Толозе... Там вверху, направо в глубине двора, увидите павильон...

Мегрэ очень хотелось самому побывать там, осмотреть и обнюхать все закоулки этого дома.

Получив подробные указания, его сотрудники ушли, а комиссар занялся текущими делами.

Небо по-прежнему было белым и суровым, а вода в Сене отливала свинцово-серым цветом.

Около полудня, когда Жанвье и Лапуэнт возвратились, комиссар продолжал просматривать и подписывать какие-то документы. Он позвонил Жозефу и отдал их ему.

- Ну, ребята, как дела?

Первым начал докладывать Жанвье.

- Мы позвонили...

- Полагаю, что вам открыла женщина. Как она выглядит?

Жанвье и Лапуэнт переглянулись.

- Брюнетка, довольно высокого роста с хорошей фигурой...

- Красивая особа?

На этот раз ответил Лапуэнт:

- Скорее - красивая самка...

- Как она была одета?

- На ней был красный пеньюар и шлепанцы. Она еще не причесалась.

Из-под пеньюара виднелась желтая ночная рубашка...

- Дочь ее вы видели?

- Нет. Она, наверное, была в школе.

- Во дворе стоял грузовик?

- Нет. Да и в мастерской никого не было.

- Как она вас приняла?

- С недоверием. Сначала она наблюдала за нами через оконную занавеску. Затем мы услышали ее шаги в коридоре. Она приоткрыла дверь, высунула только лицо и спросила:

- В чем дело? Мне ничего не нужно...

- Мы ей объяснили, о чем шла речь... причину своего визита.

- Она не удивилась?

- Она спросила: "Вы делаете это по всей улице?" И когда мы ответили ей утвердительно, она разрешила войти.

"Вы надолго?" - поинтересовалась она. "Нет, всего на полчаса", - ответили мы. "Вы что, будете измерять весь дом?" - снова поинтересовалась она.

Оба инспектора наперебой делились своими впечатлениями. Их особенно поразила кухня.

- Великолепная кухня, шеф. Очень светлая, современная, со всей необходимой утварью...

Подумать только, в таком старом доме - и такая кухня... Там есть даже стиральная машина последней модели...

Мегрэ же этому не удивился. Разве боготворивший жену Планшон не желал создать ей наибольший комфорт?

- Вообще-то, и интерьер в доме веселый... Можно сразу понять, что там живет маляр-строитель, все кажется недавно покрашенным... В спальне малышки мебель розового цвета...

Эта деталь тоже соответствовала характеру субботнего клиента.

- Продолжайте...

- Рядом с кухней находится большая гостиная, служащая одновременно и столовой. Мебель в ней совсем простая...

- Раскладушку видели?

- Да, в стенном шкафу... Жанвье добавил:

- Я как бы невзначай заметил: "Такая кровать очень нужна, когда нужно разместить на ночь гостей..."

- Она вела себя спокойно?

- Нет. Следовала за нами повсюду, следила за каждым нашим жестом и, видимо, не очень была уверена, что мы те, за кого себя выдаем. Она даже спросила: "А для чего вы все это измеряете?" Я начал ей заливать:

"Иногда в связи с износом зданий мы вынуждены пересматривать норму налогов на недвижимое имущество, и, если вы не расширили жилую площадь, то от этого только выиграете..." Умом, я думаю, она не блещет, но ее не очень-то легко провести. В один момент мне показалось, что она вот-вот снимет телефонную трубку и позвонит в нашу липовую контору... Поэтому мы и старались побыстрее все закончить... На первом этаже расположены две комнаты: спальня и комната поменьше, что-то вроде кабинета, где есть телефон... Спальня, тоже очень приятная, еще не была убрана, и там царил беспорядок... Кабинет же похож на любой другой кабинет ремесленника: на столе несколько папок для бумаг, нанизанные на крючок накладные, печка и камин, заваленный образцами... Ванная находится не на первом, а на втором этаже, рядом со спальней малышки...

- У вас все? Лапуэнт добавил:

- Пока мы там находились, кто-то звонил по телефону... Она дважды переспросила имя, записала его в блокнот и ответила: "Нет, его сейчас нет... Он на стройке... Как вы сказали?.. Да, господин Пру... Я передам ему вашу просьбу, и он заедет к вам, наверное, после обеда..." Кстати, шеф, если вас интересуют размеры каждой комнаты...

Со своей задачей инспектора справились успешно. И если полученные ими сведения не помогли Мегрэ продвинуться в расследовании дела, то теперь у него хоть было четкое представление о доме и о характере жены Планшона.

Работали ли муж и любовник на одной стройке или, наоборот, они предпочитали трудиться порознь? Что они говорили друг другу и каким тоном, если это требовалось по работе?

Когда Мегрэ приехал пообедать домой, жена сказала, что ему никто не звонил. Звонок, которого комиссар так долго ждал, раздался лишь после шести часов вечера, когда он уже вернулся в свой рабочий кабинет.

- Алло!.. Господин Мегрэ?..

- Да, это я...

- Говорит Планшон...

- Где вы находитесь?

- В кафе на площади Аббес. Это недалеко от дома, где я весь день работал... Выполняю свое обещание... Вы ведь просили позвонить вам...

- Как ваше самочувствие? Последовало молчание.
- Вы успокоились?
- Я всегда спокоен... Я о многом думал...
- Вчера утром вы гуляли с дочерью?
- Откуда вам это известно? Да, мы ходили на "блошиную" ярмарку...
- А после обеда?
- Они уехали на машине...
- Все трое?
- Да.
- Вы остались дома?
- Я спал...

Значит, он находился дома, когда Мегрэ с женой проходили мимо входной решетки.

- Я много размышлял...
- И к какому выводу вы пришли?
- Не знаю... Никакого вывода я не сделал... Но постараюсь держать себя в руках как можно дольше... Да и вообще, нужно ли мне что-то предпринимать?.. Иначе, как вы сами утверждали позавчера, я рискую потерять Изабеллу...

Мегрэ слышал звон рюмок, далекий шум голосов, стук кассового аппарата.

- Вы позвоните мне завтра? Планшон немного помедлил с ответом. ' - Вы считаете, это будет полезно?

- Я хочу, чтобы вы звонили мне каждый день...
- Вы мне не доверяете?

Что комиссар мог ответить на этот вопрос?

- Я буду держаться, правда! - он горько рассмеялся:
- Ведь два года я же продержался!.. Но долго не смогу, потому что я слабак... Разве я не слабак?.. Признайтесь, вы тоже таким меня считаете... Вместо того чтобы действовать, как это сделал бы настоящий мужчина, я пришел к вам поплакаться...

- Вы правильно поступили, что пришли ко мне, и потом вы вовсе мне не плакались...
- Вы меня презираете?
- Нет.
- Вы рассказали мою историю своей жене, когда я ушел от вас?
- Нет, не рассказывал.
- Она разве не спрашивала, что за тип испортил вам весь ужин?
- У вас слишком много вопросов, господин Планшон... Вы смотрите на свою жизнь как бы со стороны...
- Прошу прощения...
- Возвращайтесь лучше к себе домой.
- К себе домой?

Мегрэ не знал, что еще ему сказать. Никогда в жизни он не был в столь затруднительном положении.

- Разве, черт побери, это не ваш дом?.. Не желаете туда возвращаться, так идите в другое место. Только не шляйтесь по барам - там вы себя еще больше заводите...

- Вы, кажется, рассердились.

- Я не рассердился... Я лишь хочу, чтобы вы прекратили постоянно думать об одном и том же...

Мегрэ был недоволен собой. Он был не прав, что говорил таким резким тоном с Планшоном. Хотя комиссара можно было понять: трудно, особенно по телефону, подыскать слова, которые нужно сказать человеку, задумавшему убить жену и ее любовника.

Ситуация выглядела нелепой, и к тому же Планшон оказался необычайно проникательным. Мегрэ в самом деле сердился на хозяина малярной мастерской за то, что тот заставил его переживать, волноваться из-за истории, которую комиссар даже не мог рассказать своим коллегам из-за опасения, что они примут его за наивного чудака.

- Успокойтесь, господин Планшон... В голову Мегрэ приходили лишь самые банальные слова, которые обычно произносят, чтобы кого-то просто утешить.

- Не забудьте позвонить мне завтра... И поймите же наконец, что ваша затея ни к чему не приведет, совсем наоборот...

- Благодарю вас...

Комиссару не удалось его убедить. Планшон, похоже, был разочарован.

Он совсем недавно закончил работу и, наверное, еще недостаточно много выпил, чтобы достичь такого состояния, когда мог видеть положение вещей таким же, как, например, в тот субботний вечер в гостиниой Мегрэ.

В трезвом состоянии он не питал иллюзий. Что он думал о себе, о той нелепой и отвратительной роли, которую ему приходилось играть в собственном доме?

Фразу "благодарю вас" он произнес с горечью, и Мегрэ хотел продолжить разговор, но было уже поздно: его собеседник повесил телефонную трубку.

Существовало и другое решение, о котором Планшон едва упомянул в субботу, и это внезапно встревожило комиссара.

Не покончит ли с собой Планшон теперь, когда он поделился с кем-то своим горем и у него не осталось никаких иллюзий?

Если бы Мегрэ знал, где находится его собеседник, он сразу бы перезвонил ему. Но что комиссар мог бы ему сказать?

Нет и нет! Чужие драмы его не касались. Мегрэ не мог ничем помочь Планшону. По долгу службы комиссар должен был заниматься только преступниками.

Подавляя в себе ярость, он еще час просматривал дело о краже драгоценностей, раскрытие которого видимо займет несколько недель.

Полиция установила, что вор всякий раз останавливался в отеле, откуда исчезали драгоценности. Кражи произошли в четырех разных гостиницах с перерывом в два-три дня.

На первый взгляд казалось, чего проще: стоит лишь изучить постояльцев, проживавших в этих отелях, и задержать того или тех, кто фигурировал во всех списках. Но дело оказалось сложнее. Да и показания швейцаров тоже не дали никаких результатов.

Расследование займет недели? Нет, разгадывать эту загадку придется несколько месяцев, и вполне возможно, дело закончится где-нибудь в Лондоне, Каннах или Риме, или же розыски драгоценностей приведут к какому-нибудь спекулянту из Анвера или Амстердама.

Но это расследование не так угнетало комиссара, как трагедия Планшона. Рабочий день уже давно кончился, и Мегрэ на такси вернулся домой. Поужинав, он посмотрел телевизионную передачу, лег спать и проснулся, ощущая, как всегда, приятный запах кофе.

Придя в свой рабочий кабинет, комиссар ворчливо попросил секретаря:

- Запроси-ка мне комиссариат восемнадцатого округа... Алло!

Восемнадцатый?.. Это ты, Бернар?.. Ничего интересного в эту ночь не случилось?.. Нет... А убийства?.. Никто не пропал?.. Послушай! Я хочу, чтобы ты дал указание незаметно понаблюдать за домом, который находится на самом вершине улицы Толосе, прямо у ступенек... Да... Пусть посмотрят за каждым, кто туда входит и выходит... Пусть посмотрят, во дворе ли грузовик хозяина-маляра... Благодарю тебя... Если ночью грузовик исчезнет, то пускай позвонят мне домой... Да нет, ничего конкретного...

Так, кое-какие соображения... Ты знаешь, всякое случается... Спасибо, старина!..

Прошел еще один самый обычный день: комиссар допрашивал свидетелей по делу о краже драгоценностей, а также тех, кто проходил по другим, менее значительным делам.

С шести часов вечера он уже начал поглядывать на телефон. Звонили дважды, но это был не Планшон. Он не позвонил ни в половине седьмого, ни ровно в семь, и Мегрэ, явно недовольный, занервничал.

Днем, вроде бы, ничего не должно было произойти. Маловероятно, чтобы Планшон, воспользовавшись моментом, когда дочь находилась в школе, пришел домой убить жену и дожидаться прихода Пру и также прикончить его.

В сущности, Мегрэ даже не спросил Планшона, каким оружием тот собирается совершить преступление. Разве хозяин малярной мастерской не заявил, что тщательно подготовил двойное убийство?

Револьвера у него, должно быть, не было. Но даже, если и был, комиссар не верил, что он им воспользуется. Люди, занятые физическим трудом, обычно используют в подобных случаях привычные им инструменты.

Какой инструмент строительный маляр...

Комиссар невольно рассмеялся, думая о малярной кисти. В семь пятнадцать телефон еще не звонил, и Мегрэ вернулся домой. Звонка не последовало ни до ужина, ни после.

- Ты все думаешь о нем? - спросила жена.

- Да, его история меня беспокоит...

- Ты как-то говорил мне, что люди, которые твердят о намерении совершить убийство, редко выполняют задуманное.

- Конечно, редко... Но все же такое случается...

- Тебе холодно?

- Я, видимо, простудился во время воскресной прогулки на Монмартр...

Я говорю в нос?..

Жена принесла аспирин, дала ему таблетку, и он спокойно проспал всю ночь. Проснувшись, комиссар увидел в окно, что на улице идет дождь.

Прождав до десяти часов, Мегрэ позвонил в восемнадцатый округ.

- Бернар?

- Да, шеф...

- Что нового на улице Толосе?

- Ничего... Грузовик не покидал двора...

Только в семь часов вечера, так и не дождавшись никаких новостей, Мегрэ решил позвонить на улицу Толосе. Ему ответил незнакомый мужской голос:

- Планшон?.. Да, он живет здесь... Но сейчас его нет... Да и вечером его не будет.

#### ГЛАВА IV

Мегрэ чувствовал, что его недоверчивый собеседник собирался положить трубку, но в последний момент заколебался. Комиссар поспешно спросил его:

- А мадам Планшон?

- Она вышла.

- А вечером она будет?

- Она вот-вот вернется. Пошла в магазин что-то купить... Последовала новая пауза. Мегрэ отчетливо слышал на другом конце провода дыхание Пру.

- Что вам от нее нужно?.. Кто вы?..

Мегрэ чуть было не назвал себя одним из клиентов, придумав какую-нибудь историю. Но, подождав немного, он положил телефонную трубку.

Он никогда не видел того, с кем только что говорил по телефону.

Комиссар знал о Пру немного, только то, что рассказал ему Планшон, а тот имел все основания быть пристрастным в своих суждениях.

И все лее, едва услышав голос Пру по телефону, Мегрэ сразу же проникся к нему антипатией. Это чувство возникло не в результате рассказов хозяина малярной мастерской. Скорее, комиссару был неприятен сам голос, тянучий и агрессивный. Мегрэ мог бы поклясться, что Пру в этот момент с недоверием продолжал смотреть на телефон, что он никогда не отвечал на вопросы прямо.

Он принадлежал к той породе людей, которых Мегрэ хорошо знал: их нелегко вывести из себя, они насмешливо меряют вас взглядом, а при первом же затруднительном вопросе хмурят густые брови.

Интересно, действительно ли у него густые брови? А волосы, закрывающие низкий лоб?

С мрачным видом Мегрэ привел в порядок бумаги на столе и занялся текущими делами, вызвав вначале Жозефа:

- Ко мне кто-нибудь есть?

Затем он заглянул в кабинет инспекторов:

- Если меня будут спрашивать, пусть звонят домой...

На набережной Мегрэ открыл зонт. В автобусе его прижали к пассажиру, плащ которого вымок до нитки.

Прежде чем сесть ужинать, он снова позвонил на улицу Голозе. Комиссар злился на все и всех. Его раздражал Планшон, который втянул его в свою нелепую и одновременно трагическую историю. Бог знает отчего, он сердился даже на Роже Пру. Он был недоволен самим собой и даже дулся на жену, которая с тревогой посматривала на него.

Была ли у них привычка не сразу поднимать телефонную трубку? можно было подумать, что телефон звонил в пустоту. Но чуть позже комиссар вспомнил, что аппарат находился в кабинете. Наверное, обитатели дома ели не в столовой, а на кухне, и поэтому требовалось какое-то время, чтобы добраться до телефона.

- Алло!..

Наконец-то кто-то поднял трубку! К телефону подошла женщина:

- Мадам Планшон?

- Да. Кто говорит?

Голос был естественный, низкий и довольно приятный.

- Я хотел бы поговорить с Леонаром...

- Его здесь нет...
- Не скажете, когда он будет дома?.. Я один из его друзей...

В этот раз, как и при разговоре с Пру, последовало молчание. Не стоял ли он рядом, бросая на нее вопросительный взгляд?

- Что за друг?
- Вы меня не знаете... Мы должны были встретиться сегодня вечером...
- Он уехал...
- Надолго?
- Да.
- А вы можете сказать, когда он вернется?
- Нет, не могу...
- Он в Париже? Новая пауза.
- Даже если он и в Париже, то адреса своего он мне не оставил... Он что, задолжал вам деньги? Мегрэ снова повесил трубку. Жена, слышавшая весь разговор, спросила, наливая ему суп:
- Он пропал?
- Похоже на то.
- Ты думаешь, он покончил с собой? Комиссар проворчал:
- В это-то я не верю...

Мегрэ "новью" мысленно представил себе клиента, побывавшего у них в гостинной: тот так сжимал пальцы, что фаланги у него побелели. Особенно поражали глаза, умоляюще смотревшие на комиссара.

Чувствовалось, что на Планшона, выпившего до этого несколько рюмок, что-то давило. Он говорил много и возбужденно. Его драма глубоко тронула Мегрэ, и он хотел задать своему собеседнику массу вопросов, но так и не сделал этого.

После ужина комиссар позвонил на полицейский пост. Видимо, дежурившие там полицейские перекусывали - один из них, поднявший трубку, ответил, продолжая жевать:

- Нет, шеф... Никакого самоубийства с тех пор, как я приступил к дежурству. Подождите, я посмотрю дневные записи... Минутку... Пожилая женщина выбросилась из окна на бульваре Барбес... Около пяти часов из Сены у моста Сен-Клу извлекли труп... Судя по его состоянию, он находился в воде дней десять. Больше ничего нет...

Дело происходило вечером в ереду. На следующий день утром, придя в свой кабинет, Мегрэ принялся что-то набрасывать на листе бумаги.

Итак, вечером в субботу, вернувшись домой на бульвар Ришар-Ленуар, он застал там Планшона.

В воскресенье утром комиссар впервые позвонил на улицу Толозе, и мадам Планшон ответила, что ее муж только что ушел на прогулку со своей дочерью.

Так и было в самом деле: позже это подтвердил сам хозяин малярной мастерской. Взявшись за руки, Изабелла и ее отец поехали в Сент-Уан на "блошиную" ярмарку.

В то же воскресенье, во второй половине дня, Мегрэ и его жена, прогуливаясь, прошли мимо павильона. Грузовик во дворе тогда не стоял.

Через оконные занавески они никого не увидели, но комиссар, опять же от Планшона, узнал, что тот в это время спал в доме.

В понедельник утром Жанвье и Лапуэнт, захватив липовые удостоверения работников несуществующей службы, появились в доме на улице Голозе и в сопровождении недоверчивой Рене посетили все комнаты, делая при этом вид, что измеряют их площадь.

После обеда Леонар Планшон позвонил на набережную Орфевр из кафе на площади Аббес, как он сам это сказал. В телефонной трубке явственно слышались глухие голоса, звон посуды и стук кассового аппарата.

Последними словами этого малого были:

- Я благодарю вас!

Ни о каком отъезде он не упоминал, а о самоубийстве и тем более. В субботу он лишь едва намекнул на подобный выход из положения, но тотчас же отказался от этой мысли, ибо не желал оставлять Изабеллу Рене и ее любовнику.

Во вторник Планшон не звонил. На всякий случай, для очистки совести, Мегрэ попросил полицию восемнадцатого округа понаблюдать ночью за домом на улице Голозе. О постоянном наблюдении речи не шло. Дежурившие ночью полицейские, обходя свой участок, должны были убедиться, что ничего необычного в доме не происходило и что грузовик стоял во дворе. А он там и был.

И, наконец, среда. Никаких известий. Планшон не позвонил. А когда комиссар около семи часов вечера сам набрал номер его телефона, Роже Пру заявил, что тот вечером не вернется. Голос при этом у Пру был настороженный, и отвечал он весьма неопределенно. Рене в тот момент куда-то уходила из дома. По словам ее любовника, она должна была скоро вернуться. Комиссар позвонил чуть позже второй раз, и по ответам Рене выходило, что она не ожидала увидеть своего мужа в скором времени.

Как и каждое утро, Мегрэ пошел на летучку, избегая все еще говорить об этом деле, которого официально не существовало. Чуть позже десяти часов он вышел из полицейского управления и под морозящим дождем взял такси, чтобы добраться до улицы Голозе.

Четкого плана действий у него не было, и он не знал, как лучше начать расследование.

- Мне вас подождать? - спросил шофер такси.

Мегрэ предпочел оплатить проезд сразу, потому что его визит мог быть длительным.

Грузовика во дворе он не увидел, но в мастерской находился один из рабочих, одетый в испачканный краской белый халат. Мегрэ направился к павильону, нажал на кнопку звонка. На втором этаже, прямо над его головой открылось окно, и комиссар застыл на месте. Затем на лестнице послышались чьи-то шаги, дверь приоткрылась, как это было во время визита Жанвье и Лапуэнта, и Мегрэ увидел непричесанную черноглазую женщину, с очень светлым лицом, одетую в красного цвета пеньюар.

- В чем дело?

- Я хотел бы поговорить с вами, мадам Планшон.

- О чем?

Дверь оставалась приоткрытой сантиметров на пятнадцать.

- О вашем муже...

- Его нет дома...

- Мне необходимо его видеть, поэтому я желаю поговорить с вами...

- Что вам от него нужно? Наконец он решился назваться:

- Я из полиции...

- У вас есть документы?



Мегрэ показал ей свою полицейскую медаль, и она, открыв дверь пошире, пропустила его в дом.

- Прошу меня извинить... Я одна в доме, а за последние дни было несколько странных телефонных звонков...

Она следила за ним взглядом, спрашивая себя, не он ли звонил.

- Входите?.. Я еще не прибиралась в доме... Она провела его в гостиную, где посередине ковра стоял пылесос.

- Что мой муж натворил?

- Я должен связаться с ним, чтобы задать несколько вопросов...

- Он с кем-то подрался?

Она указала комиссару на стул, не решаясь сесть сама и прикрывая руками отвороты пеньюара.

- Почему вы меня об этом спрашиваете?

- Потому что он проводит вечера и ночи в бистро, а когда напьется, становится буйным...

- Он вас уже бил?

- Нет.. Впрочем, я бы ему этого и не позволила.. Но случилось, он угрожал мне...

- Угрожал вам чем?

- Прикончить меня... Он не уточнял...

- Он угрожал вам неоднократно?

- Да, несколько раз...

- Вам известно, где он сейчас?

- Этого я не знаю, да и знать не хочу...

- Когда вы видели его в последний раз? Она подумала, прежде чем ответить.

- Подождите... Сегодня четверг... Вчера была среда... Позавчера - вторник... Это было в понедельник вечером...

- В котором часу?

- Поздно вечером...

- А который был час вы не помните точно?

- Должно быть, около полуночи...

- Вы уже легли спать?

- Да.

- Одна?

- Нет! Не хочу вам лгать. Наша история в квартале всем известна, и хочу добавить, что все нас одобряют, Роже и меня... Если бы муж; не противился, мы давно бы уже поженились...

- Тем самым, вы признаетесь, что у вас есть любовник? Она ответила с гордостью, глядя комиссару в глаза:

- Да.

- Он живет в этом доме?

- Ну и что тут такого? Когда такой человек, как План-шон, сопротивляется и отказывается от развода, то... - И давно это длится?

- Скоро вот уже два года...

- Вашего мужа такая ситуация устраивала?

- Он уже давно мне больше не муж, если только на бумаге... Для меня он и не мужчина... Не знаю, зачем он вам понадобился... То, что он натворил где-то вне дома, меня совсем не касается... Хочу только сказать, и я вам не лгу, что он стал пьяницей и ни на что не способен...

Если бы не Роже, мастерская прекратила бы свое существование...

- Позвольте мне вернуться к тому вечеру в понедельник... Вы спали в вашей комнате...

Дверь в нее была приоткрыта, и комиссар заметил на кровати оранжевую перину.

- Да...

- С этим мужчиной, которого вы называете Роже...

- Роже Пру - славный парень, который не пьет и не хнычет от жалости к себе...

Она говорила о своем любовнике с гордостью, чувствовалось, что Рене бросилась бы на любого, кто посмел бы сказать о нем что-либо дурное.

- Муж ужинал с вами?

- Нет. К тому времени он еще не вернулся...

- Такое с ним часто случалось?

- Довольно часто... Я начинаю понимать, как это бывает с пьяницами...

Какое-то время они еще сохраняют чувство меры, некоторое достоинство...

Затем они пьют столько, что уже не испытывают голод, и еду им заменяют несколько рюмок...

- Ваш муж дошел до такой степени?

- Да.

- И все же продолжал работать?... Не рисковал ли он сорваться с лестницы или со строительных лесов?..

- Днем он не пил, вернее, почти не пил... Что же касается его работы!.. Если бы я рассчитывала только на него...

- Кажется, у вас есть дочь?

- Откуда вам это известно?... Наверное, от консьержки?. Мне на все наплевать, нам скрывать нечего... Да, у меня есть дочь... Ей почти семь лет...

- Итак, в понедельник вы ужинали все вместе: этот Роже Пру, вы и дочь...

- Да...

- В этой комнате?

- Нет, на кухне... Не понимаю, вам-то до этого какое дело... Мы едим почти всегда на кухне... Что в этом преступного?

Сбитая с толку ходом допроса, она начала нервничать.

- Полагаю, первой отправилась спать дочь?..

- Конечно...

- Ее спальня находится на втором этаже?

Рене явно удивляла такая осведомленность комиссара. Догадывалась ли она теперь об истинной цели недавнего визита сюда двух человек, приходивших измерять площадь всех жилых комнат? Но лицо ее оставалось бесстрастным. Мадам Планшон продолжала пристально глядеть на посетителя и вдруг спросила:

- Скажите, уж не вы ли тот знаменитый комиссар Мегрэ? Он утвердительно кивнул головой, и, нахмутив брови, она задумалась. Если бы. пришел какой-нибудь полицейский, например инспектор из местного участка, по поводу поведения ее мужа, она ничуть не удивилась бы: она знала, как проводил свои вечера Планшон. Но чтобы к ним домой явился сам Мегрэ...

- Похоже, что-то случилось...

И с явной иронией в голосе, она добавила:

- Уж не хотите ли вы мне сообщить, что он кого-то убил?

- Вы считаете, он на это способен?

- По-моему, теперь он способен на все... Когда человек опустился до такой степени...

- У него есть оружие?

- В доме оружия я никогда не видела...

- У него были враги?

- Насколько мне известно, его врагом была я. Так он, во всяком случае, считает и ненавидит меня. Поэтому он и продолжает жить здесь в таких условиях. Любой мужчина на его месте давно бы ушел... Хотя бы ради дочери он должен понять...

- Вернемся к понедельнику... Когда вы с Роже легли спать?

- Подождите... Я легла первой...

- В котором часу?

- Около десяти... Роже работал в кабинете, проверял счета...

- Это он вел делопроизводство и занимался финансовыми делами?

- Вначале нет, но потом ему пришлось взять все на себя, потому что муж уже был ни на что не способен... Да и потом, Роже ведь вложил в дело столько своих средств...

- Вы хотите сказать, Роже и Планшон были компаньонами?

- В сущности, да... Письменного договора между ними не существовало... Вернее, только недели две назад они подписали документ...

Она замолчала, прошла в кухню, где что-то варилось на плите, и почти сразу вернулась назад.

- Что вы еще хотите знать? Меня ждут домашние дела, я готовлю обед...

Да и дочь вот-вот вернется из школы...

- Сожалею, но должен отнять у вас еще немного времени...

- Вы так и не сказали, что натворил мой муж...

- Надеюсь, вы подскажете мне, как его разыскать... Если я хорошо понял, ваш любовник вложил в дело свои деньги?

- Он делал это всякий раз, когда не хватало средств, чтобы уплатить налоги...

- И две недели назад они подписали договор?... Что это за документ?

- В нем говорилось, что, выплатив определенную сумму, Пру становится владельцем мастерской...

- Вам известен размер этой суммы?

- Да, ведь документ печатала я...

- Вы печатаете на машинке?

- Немного... Машинка стоит в кабинете уже давно... Планшон купил ее, когда я была беременна, через несколько месяцев после нашей свадьбы... Я скучала и хотела чем-то себя занять... Я принялась печатать двумя пальцами накладные, потом деловые письма клиентам и поставщикам...

- Вы продолжаете печатать?

- Когда это необходимо...

- Вы можете показать мне этот документ? Она более пристально посмотрела на комиссара.

- Я думаю, а имеете ли вы право требовать это от меня. И потом, должна ли я вообще отвечать на все эти вопросы...

- В настоящий момент можете не отвечать...
- В настоящий момент?
- Я ведь могу официально вызвать вас к себе в кабинет и опросить как свидетеля...
- Свидетеля по какому делу?
- Ну, скажем, по факту исчезновения вашего мужа...
- Он не исчез...
- А что же с ним случилось?
- Он просто уехал, вот и все. Ему нужно было это сделать уже давно...

Тем не менее она направилась к двери.

- Зачем мне от вас что-то скрывать... Если вас интересует эта бумага, я вам ее принесу.

Рене прошла в кабинет, и было слышно, как она открыла там ящик. Через несколько мгновений она возвратилась с листком бумаги в руке. Документ был напечатан на бланке Леонара Планшона, владельца малярной мастерской.

Фиолетового цвета текст был неровным, некоторые буквы налезали друг на друга, местами два или три слова сливались в одно.

"Я, нижеподписавшийся Леонар Планшон, уступаю Роже Пру при условии, если он выплатит мне сумму в тридцать тысяч новых франков (тридцать тысяч), в качестве возмещения моей доли, малярное предприятие, находящееся на улице Голозе в Париже и принадлежащее мне и моей ясене Рене, урожденной Бабо.

Эта передача включает аренду здания, инвентарь и движимое имущество, за исключением моих личных вещей". На документе стояла дата - 28 декабря...

- Обычно, - заметил Мегрэ, оторвав взгляд от текста, - такие документы подписываются в присутствии нотариуса. Почему вы его не пригласили?

- Чтобы избежать бесполезных расходов... Когда порядочные люди...

- Итак, ваш муж был порядочным?

- Во всяком случае, мы с Роже поступили честно...

- Прошло около трех недель, как был подписан этот документ... С тех пор Планшон уже не являлся владельцем малярной мастерской... Возникает вопрос, почему же он продолжал там работать...

- А почему он продолжал жить в доме, хотя для меня он уже давно никем не был?

- Выходит, он работал как простой рабочий?

- Так оно и было...

- Ему платили?

- Да, я думаю... Спросите об этом у Роже...

- Три миллиона старых франков были выплачены чеком?

- Банкнотами.

- Здесь?

- Не на улице же, конечно!

- В присутствии свидетеля?

- Мы были втроем. Наши личные дела никого не касаются.

- Эта сделка не оговаривалась никаким условием? Этот вопрос, казалось, застал ее врасплох, и минуту она молчала...

- Одно условие было, но он его не выполнил...

- Какое?
- Что он уедет и даст мне развод.
- Он же уехал?
- Да, но через три недели!..
- Вернемся к понедельнику...
- Опять? Долго это будет еще продолжаться?
- Нет, надеюсь... Вы легли спать... Пру последовал за вами... Он вас разбудил, когда ложился?
- Да.
- Вы посмотрели на часы?
- Знаете, в постели мы занимались другим...
- Вы оба спали, когда вернулся муж?
- Нет...
- Он открыл дверь ключом?
- Ключом, разумеется, а не шариковой ручкой...
- Должно быть, он был слишком пьян и не мог сам открыть дверь.
- Он был пьян, но замочную скважину все же нашел...
- Где он обычно спал?
- Здесь... На раскладушке-Мадам Планшон открыла стенной шкаф и показала сложенную раскладную кровать.
- Вы ее тогда вынули из шкафа?
- Да... Прежде чем идти спать, я сама ее раскладывала, чтобы он не гремел на весь дом, когда возвращался...
- Он не ложился спать в понедельник?
- Нет... Мы слышали, как он поднялся на второй этаж...
- Чтобы поцеловать дочь?
- В таком состоянии он никогда этого не делал.
- А зачем он поднялся на второй этаж?
- Нам это тоже было интересно. Мы слышали, как он открыл шкаф на лестничной площадке, где находятся его вещи, затем вошел в маленькую комнату, которая служила чердаком. Наконец, послышался шум на лестнице, и я удержала Роже: он хотел посмотреть, что происходило.
- Что же происходило?
- Он нес вниз чемоданы.
- Сколько чемоданов?
- Два. Да их и было у нас в доме всего два, потому что мы никогда никуда не ездили.
- Вы не говорили с мужем? Вы не видели, как он ушел?
- Не видела. Когда он спустился в столовую, я поднялась с постели и сделала знак Роже оставаться на месте, чтобы избежать сцены...
- Вам не было страшно? Вы говорили, что, когда ваш муж напивался, он становился буйным, и, случалось, что он угрожал вам...
- Роже находился рядом со мной...
- Как вел себя муж:, когда вы видели его в последний раз?

- Еще не открыв дверь, я услышала, как он говорил сам с собой и, кажется, над чем-то зубоскалил... Когда я вошла, он оглядел меня с ног до головы и начал смеяться...

- Он был очень пьян?

- Да, но вел себя не как обычно... Он не угрожал... Не разыгрывал трагедию и не плакал... Вы меня понимаете?... Вид у него был очень довольный, и я подумала, что он собирался сыграть с нами какую-то злую шутку...

- Он что-нибудь говорил вам?

- Прежде всего он крикнул: "А, это ты, моя старуха!". И с гордостью показал мне два чемодана.

Мадам Планшон не сводила с Мегрэ глаз, а тот, в свою очередь, внимательно следил за малейшей реакцией на ее лице. Должно быть, она это заметила, но, казалось, вовсе не была смущена.

- Это все?

- Нет... Заплетающимся языком он добавил что-то вроде: "Ты можешь порыться в чемоданах и убедиться, что я не взял ничего твоего". Часть слов он проглатывал и говорил, похоже, скорее себе, чем мне...

- Вы сказали, что у него был довольный вид?

- Да, точно. Словно он хотел нам напакостить. Я спросила его: "Куда ты собрался?" Он сделал такой широкий жест, что чуть не упал. Я поинтересовалась: "Тебя ждет такси у дома?" Он еще раз насмешливо оглядел меня и ничего не ответил. Он уже взялся за чемоданы, но я потянула его за пальто и сказала: "Ты не можешь так уйти, мне нужен твой новый адрес, чтобы оформить развод..."

- Что он вам ответил?

- Точно не помню. Чуть позже я повторила его слова Роже: "Ты его получишь, красотка... И скорее, чем ты думаешь..."

- О дочери он ничего не говорил?

- Нет. Ни о чем он больше не говорил.

- Он не зашел в спальню, чтобы поцеловать ее на прощание?

- Мы бы это услышали. Ведь комната Изабеллы находится прямо над нашей спальней, и пол там скрипит.

- Итак, с двумя чемоданами он пошел к двери... Они были тяжелыми?

- Я их не взвешивала... Довольно тяжелые, но не слишком, так как он унес только одежду и туалетные принадлежности...

- Вы проводили его до порога?

- Нет.

- Почему?

- Он мог бы подумать, что я за ним слежу...

- Вы не видели, как он пересек двор?

- Нет, ставни были закрыты. Я только заперла за ним входную дверь на засов...

- Вы не боялись, что он уедет на грузовике?

- Я бы услышала, как он его заводит...

- Но вы этого не слышали. А у дома не было такси?

- Я ничего не видела, так как была слишком довольна, что он наконец-то покинул дом. Я побежала в спальню и, если хотите все знать, бросилась в объятия Роже, который все слышал через дверь...

- Он ушел из дома в понедельник вечером, не так ли?

- Да, в понедельник...

Мегрэ же просил коллег из восемнадцатого округа установить за домом тайное наблюдение во вторник. Если верить Рене Планшону, ее мужа в то время здесь уже не было.

- Вы не догадываетесь, куда бы он мог отправиться?

Мегрэ вспомнил последние слова Планшона, сказанные ему в тот понедельник около шести часов вечера, когда он звонил из бистро на площади Аббес: "Благодарю вас..."

В тот момент комиссару показалось, что в голосе Планшона звучала горечь с оттенком иронии. Причем Мегрэ почувствовал это так явственно, что, если бы знал, где тот находится, то тотчас же перезвонил бы ему.

- У мужа есть родственники в Париже?

- Ни в Париже, ни в другом месте... Я это хорошо знаю, потому что его мать была родом из той же деревни, что и я, - из Сен-Совер, в Вандее...

Рене, очевидно, не знала, что Планшон приходил домой к Мегрэ и рассказал ему о своей личной драме. Однако ничего нового она не сообщила комиссару.

- Вы думаете, он направился туда?

- Зачем? Он едва помнит те места, так как ездил туда еще ребенком раза два или три со своей матерью. Из родственников там у него остались только кузены, да и те его уже забыли...

- А друзья у него есть?

- Когда он еще не превратился в пьяницу, он был застенчив и нелюдим до такой степени, что мне и сейчас не понятно, как он решился заговорить со мной...

Мегрэ попробовал проверить, насколько Рене была искренней:

- Где вы впервые встретились с ним?

- Чуть ниже по этой улице, на танцплощадке "Бал приятелей". До этого я никогда туда не ходила. Я только что приехала в Париж и работала этом квартале... Мне нужно было бы воздержаться...

- От чего?

- Заводить знакомство с мужчиной, имеющим физический недостаток...

- Разве уродство влияло на характер мужа?

- Не знаю... Меня можно понять... Такие люди постоянно об этом думают, чувствуют, что отличаются от других... Поэтому они вбивают себе в голову, что все на них смотрят и насмеются... Они все воспринимают по-другому, более ревнивы и озлоблены...

- Он уже был озлобленным, когда вы выходили за него замуж?

- Нет, вначале он не был таким...

- Когда он изменился?

- Я уже не помню... Он никого не желал видеть... Мы редко покидали дом... Жили здесь, как в заточении... Ему это нравилось... Он был счастлив...

Она замолчала и поглядела на комиссара, как бы давая ему понять, что пора кончать этот разговор.

- У вас есть еще вопросы?

- Нет, пока все. Я хочу, чтобы вы меня предупредили, если получите какие-нибудь известия о муже... Вот номер моего телефона...

Она взяла карточку, которую он ей протянул, и положила ее на стол.

- Моя дочь вернется через несколько минут...

- Она не удивилась отъезду отца?

- Я сказала ей, что он отправился путешествовать...

Мадам Планшон проводила Мегрэ до двери, и тому показалось, что вид у нее был озабоченный, что теперь уже она хотела задержать его и задать ему вопросы. Но какие?

- До свидания, господин комиссар...

Недовольный собой, он засунул руки в карманы и, подняв воротник пальто, спустился вниз по улице Толозе. По дороге ему встретилась маленькая девочка с тугими светлыми косичками. Мегрэ обернулся, чтобы посмотреть, как она войдет во двор.

Ему очень хотелось задать вопросы и ей.

## ГЛАВА V

Жена Планшона не предложила ему снять пальто, и Мегрэ за время беседы буквально упрел в жарко натопленном доме. Теперь же, попав под мелкий ледящий дождь, он почувствовал озноб. Но простудился комиссар еще раньше, в воскресенье, когда они с женой гуляли по этому кварталу.

Вместо того чтобы спуститься по улице Лепик и найти такси, Мегрэ решил повернуть налево, к площади Аббес. Ведь именно оттуда ему звонил в понедельник вечером Планшон, и это был их последний разговор.

Еще больше, чем площадь Тертр, ставшая местом паломничества туристов, площадь Аббес с ее станцией метро, театром "Ателье", похожим на игрушку или декорацию, с ее кабачками и лавками напоминала комиссару подлинный народный Монмартр. Он вспомнил, что, когда впервые после прибытия в Париж посетил этот квартал, стояло холодное, но солнечное весеннее утро.

Ему тогда даже почудилось, что перед ним одна из картин Утрильо.

Толпа небогатых, живших поблизости, прохожих смахивала на толчею городского, скорее далее деревенского, рынка, поскольку все здесь знали друг друга.

Комиссару было известно, что некоторые старожилы никогда в жизни не покидали пределы этого квартала. Здесь находились лавки, которые из поколения в поколение передавались от родителей детям.

Мегрэ заглянул через окна в несколько близлежащих кафе и наконец заметил в одном из них небольшой современный кассовый аппарат. Звук такого аппарата он слышал в телефонной трубке, когда ему звонил Планшон.

Внутри было тепло, приятно пахло кухней и хорошим вином. Десяток столиков были накрыты бумажными скатертями. Перед входом меню на грифельной доске указывало, что на обед здесь подавали сосиски с картофельным пюре.

Два каменщика в рабочих спецовках уже расположились за одним из столиков в глубине зала. Хозяйка, одетая во все черное, сидела за кассой, а перед ней лежали блоки сигарет, коробки сигар и пачки лотерейных билетов.

Официант в синем переднике, засучив рукава рубашки, обслуживал за стойкой клиентов, подавая вино и коктейли.

Посетителей было немного, и все они разом посмотрели на вошедшего комиссара. Последовало длительное молчание, затем разговоры возобновились.

- Грогу, - заказал Мегрэ.

Разве не говорила ему жена, что голос у него простуженный? Наверное, скоро он совсем охрипнет.



- С лимоном?

- Да, пожалуйста...

Налево от кухни, в глубине зала, Мегрэ заметил телефонную кабину с застекленной дверью.

- Скажите, у вас бывает клиент с заячьей губой?

Комиссар почувствовал, как напряглись рядом с ним посетители, даже те, кто стоял к нему спиной. Видимо, они догадались, что он из полиции.

- С заячьей губой?.. - словно эхо повторил официант. Он поставил на оцинкованный прилавок стакан грога и принялся переливать вино из одной бутылки в другую.

Он не решался отвечать, похоже, из чувства солидарности с клиентами.

- Небольшого роста... Блондин с рыжеватым оттенком...

- Что он натворил?

Один из клиентов, похожий на коммивояжера, вмешался в разговор:

- До чего ты наивен, Леон!.. Думаешь, комиссар Мегрэ так тебе и скажет...

Раздался взрыв смеха. Присутствующие не только догадались, что он полицейский, но даже признали в нем комиссара.

- Он пропал... - негромко произнес Мегрэ.

- Попей пропал? - и Леон пояснил:

- Мы так его назвали, потому что он очень похож на героя из мультфильмов...

Официант поднес руку к губам, будто хотел разделить их на две части, и добавил:

- Через дыру в губе ему можно запросто засунуть трубку...

- Он ваш постоянный клиент?

- Я бы этого не сказал. Мы ведь далее не знаем, кто он, хотя наверняка проживает в этом квартале... Но бывал здесь довольно часто, почти каждый вечер...

- В понедельник он приходил?

- Подождите... Сегодня четверг... Во вторник я ездил на похороны старой Нана... Она продавала газеты на углу площади... В понедельник...

Да... Приходил...

- Припоминаю, он еще попросил у меня жетон, чтобы позвонить по телефону, - вмешалась хозяйка, сидевшая за кассой.

- Это было около шести часов?

- Да, незадолго перед ужином...

- Он что-нибудь вам рассказывал?

- Он никогда ни с кем не говорил... В тот вечер стоял у стойки, приблизительно там, где вы сейчас находитесь, и заказал сначала коньяк... После этого застыл на месте, погруженный в свои, должно быть, невеселые мысли, так как вид у него был мрачный...

- Много клиентов здесь было в понедельник?

- Меньше, чем сегодня... По вечерам ресторан закрыт...

Посетители играли тогда в белот за столиком слева. Сейчас там сидели два каменщика и ели жареные сосиски.

Комиссар искренне им завидовал. Блюда, приготовленные в ресторанах, а особенно в небольших кафе, кажутся более вкусными, чем дома.

- Сколько он выпил?

- Три или четыре рюмки коньяка, точно не знаю... Ты не помнишь, Матильда?

- Четыре...

- Почти свою норму, - пояснил официант. - Обычно он оставался здесь долго... Часам к девяти-десяти иногда снова возвращался и был сильно навеселе... Видно, обходил все близлежащие бары...

- Он с кем-нибудь беседовал?

- Нет, этого я не замечал... Кто из вас с ним общался? - обратился официант к посетителям.

Вновь отозвался мужчина, похожий на коммивояжера:

- Один раз я попытался было заговорить с ним, но он сделал вид, будто меня не замечает... Правда, к тому времени он уже сильно набрался...

- Он здесь не буянил?

- На буяна он не похож... Наоборот, чем больше выпивал, тем смирнее становился... Могу поклясться, что видел, как, стоя в полном одиночестве за прилавком, он плакал...

Мегрэ заказал еще грога.

- Кто этот клиент? - поинтересовался в свою очередь официант.

- Он владелец небольшой малярной мастерской на улице Толозе...

- Я же говорил, что он живет в этом квартале... Думаете, он покончил с собой?

Мегрэ об этом уже думал, особенно после того, как поговорил с Рене Планшон. Как выразился Жанвье - или это был Лапуэнт? - она скорее напоминала самку, чем женщину, причем самку, которая цепко держится за своего избранника, и, если возникнет необходимость, была готова решительно его защитить.

Разговаривая с комиссаром, она не выглядела смущенной и ответила на все вопросы, а если иногда и колебалась, то потому, что не блистала умом и старалась лучше понять, что от нее хотят.

Чем проще люди, тем более недоверчиво они все воспринимают, а мадам Планшон мало изменилась с тех пор, как переехала в Париж из своей родной деревни в Вандее.

- Сколько с меня?

Выходя на улицу, Мегрэ заметил, что все посетители снова смотрели на него. После его ухода они наверняка еще долго будут говорить о нем.

Однако это его не волновало, он к этому уже привык.

Мегрэ удалось быстро найти такси, и он поехал домой.

Он без всякого аппетита жевал жаркое из телятины, а жена недоумевала, почему муж вдруг сказал ей:

- Приготовь, пожалуйста, завтра жареные сосиски...

К двум часам он вернулся на набережную Орфевр и, прежде чем подняться к себе в кабинет, зашел в отдел контроля за меблированными комнатами.

- Мне нужно найти некоего Леонара Планшона, владельца малярной мастерской, тридцати двух лет, проживающего по улице Толозе... В понедельник поздно вечером он ушел с двумя чемоданами из дома и, должно быть, устроился в одном из отелей на Монмартре... Он - рыжеватый блондин, небольшого роста, у него заячья губа...

По его заданию сотрудники этого отдела проверят регистрационные карточки в отелях и меблированных комнатах.

Через несколько минут Мегрэ уже сидел в своем кабинете и раздумывал, какую выбрать трубку. Затем он вызвал Люка.

- Поговори с шоферами такси... Выясни, не подсаживался ли к ним клиент с двумя чемоданами в понедельник около полуночи в районе улицы Лепик или площади Бланш...

Он повторил приметы Планшона, напомнив о заячьей губе.

- Пока ты еще не ушел, предупреди, на всякий случай, полицейские участки на всех вокзалах...

Все шло, как обычно, но Мегрэ не очень надеялся, что поиски увенчаются успехом.

- Ваш субботний клиент исчез?

- Похоже на то...

Занявшись другими текущими делами, Мегрэ почти целый час не думал о Планшоне. Затем он поднялся из-за стола, чтобы зажечь свет, так как начинало темнеть.

Внезапно он решил зайти к начальнику полицейского управления.

- Мне нужно поговорить с вами об истории, которая меня беспокоит...

Рассказывая о визите к нему домой Планшона, комиссар чувствовал себя немного неловко: его доводы выглядели малоубедительными, и начальник мог подумать, что Мегрэ придавал этому делу слишком большое значение.

- Вы не находите, что он просто сумасшедший?

Начальник управления повидал немало таких типов. Проявляя хитрость и изобретательность, некоторым из них все же удавалось попасть к нему на прием. И как только они начинали излагать суть своего визита, сразу становилось ясно, что они несли вздор.

- Трудно сказать... Я говорил с его женой...

Мегрэ коротко рассказал о своей утренней встрече с мадам Планшон.

Как комиссар и ожидал, его начальник воспринял драму хозяина малярной мастерской совсем по-другому, чем он, и, казалось, был удивлен, почему Мегрэ так обеспокоен исчезновением Планшона.

- Вы боитесь, что он покончил с собой?

- Такое вполне могло произойти...

- Только что вы сказали, что он намекал на самоубийство... Тогда я не понимаю, зачем он забрал из дома два чемодана со своими вещами...

Мегрэ молчал, глубоко затягиваясь дымом.

- Может быть, он решил наконец уехать из Парижа... А возможно, всего лишь переехал в первый же попавшийся отель, - продолжал рассуждать начальник управления.

Мегрэ покачал головой и вздохнул:

- Я как раз и хочу все это выяснить... Прошу вашего разрешения допросить любовника...

- Что он за человек?

- Его я еще не видел, но, насколько мне известно, у него, похоже, нелегкий характер... Я хотел бы также допросить и рабочих малярной мастерской...

- Учитывая наши отношения с прокуратурой, советую вам согласовать этот вопрос с самим прокурором.

Опять намек на скрытую и затяжную вражду между уголовной полицией и этими важными господами из Дворца правосудия!

Мегрэ еще припоминал то время, когда мог вести расследование, ни с кем не советуясь, и передавал дело в руки следователя лишь после того, как оно было полностью завершено.

С тех пор появились многочисленные законы и декреты, регламентирующие каждый шаг и жест тех, кто искал улики, избличающие преступников. Далее его утренний визит на улицу Толозе можно расценивать как незаконный, и, если Ре-не Планшон пожалуется, у него будут серьезные неприятности.

- Может быть, вам лучше дождаться результатов розыска?

- У меня такое предчувствие, что это ничего не даст.

- Ну, так действуйте, если настаиваете... Желаю удачи...

Около пяти часов вечера Мегрэ прошел через небольшую дверь уголовной полиции в совершенно иной мир, который помещался в другом крыле Дворца правосудия.

Этот мир представляли прокуроры и судьи, там находились залы судебных заседаний, просторные коридоры, по которым, словно летая, сновали туда и сюда адвокаты в черных мантиях. Работники уголовной полиции считали, что кабинеты прокуроров выглядели чересчур роскошно и торжественно. В них царил строгий этикет, а все разговоры велись вполголоса.

- Я доложу о вас помощнику генерального прокурора... Он как раз освободился...

Комиссар ждал долго, как приходилось ждать и его посетителям в застекленной приемной уголовной полиции. Наконец дверь кабинета в стиле ампира отворилась, и Мегрэ, ступая по красному ковру, вошел внутрь.

Помощник генерального прокурора был высоким блондином, темный, великолепного покроя костюм хорошо сидел на нем.

- Присаживайтесь, прошу вас... Какие у вас проблемы?..

Он взглянул на ручные платиновые часы с видом человека, которому дорога каждая минута, и можно было подумать, что он торопится на чаепитие в какой-нибудь аристократической гостиной.

Рассказывать здесь, в этом роскошном кабинете, историю мелкого невзрачного маляра-строителя с улицы Толозе было бы вульгарно, чуть ли не дурным тоном. И уж совсем не стоило упоминать о том, что Планшон несколько раз прерывал свою трогательную и полную отчаяния исповедь, чтобы взбодриться сливянкой.

- Я еще не знаю, идет ли речь о самоубийстве, преступлении или Планшон просто уехал, - заключил свой рассказ Мегрэ.

Хозяин кабинета слушал его, внимательно рассматривая свои длинные и тонкие пальцы с ухоженными ногтями.

- И что же вы собираетесь предпринять?

- Я хочу допросить Роже Пру, любовника, о котором вам только что упомянул. Потом мне нужно побеседовать с рабочими малярной мастерской...

- Как по-вашему, этот Пру может доставить нам неприятности?

- Боюсь, что да.

- Но вы все же настаиваете на допросе?

Видя, что, как и в кабинете начальника полицейского управления, он не находит поддержки, Мегрэ чуть было не решил отказаться от расследования, просто выбросить из головы того невзрачного человечка с заячьей губой, который столь странным образом вторгся в его личную жизнь на бульваре Ришар-Ленуар.

- Так что вы решили?

- Не знаю... Всякое могло произойти... Именно поэтому и нужно поговорить с этим Пру...

Комиссар уже не надеялся получить согласие, как вдруг помощник генерального прокурора посмотрел еще раз на часы, поднялся из-за стола и произнес:

- Посылайте ему вызов на допрос... Но будьте осторожнее... Что касается рабочих, если вы действительно желаете с ними поговорить...

Четверть часа спустя Мегрэ уже сидел в своем кабинете и заполнял бланки повесток с казенными формулировками. Потом вызвал Люка.

- Мне нужны имена и адреса рабочих малярной мастерской Планшона на улице Толозе... Обратись в справочный отдел социального обеспечения... У них должны быть списки в картотеке...

Через час он заполнил три других повестки: кроме Роже Пру, в мастерской были еще трое рабочих, в том числе молодой итальянец Анжело Массолетти.

После этого до девяти часов вечера комиссар вел опрос свидетелей по делу о краже драгоценностей. В основном, это были служащие отелей, где произошли хищения. Поужинав сэндвичами, он отправился домой и перед сном выпил грогу с двумя таблетками аспирина.

На следующий день, в девять часов утра, плотный мужчина с седыми волосами и розового цвета лицом ожидал его в приемной. Через несколько минут Мегрэ пригласил его в свой кабинет.

- Вас зовут Жюль Лавис?

- Да. Но все называют меня Папашей... А кое-кто и Святым Петром.

Наверное, из-за волос, которые они принимают за божественный нимб...

- Садитесь...

- Благодарю вас... Мне чаще приходится стоять на малярной лестнице, чем сидеть...

- Давно вы трудитесь у Леонара Планшона?

- Мы работали вместе, когда он был еще совсем молодой, у Лемперера, прежнего хозяина мастерской...

- Значит, вам известно, что сейчас происходит в доме на улице Толозе?

- Я бы ответил вам, но это будет зависеть...

- От чего?

- От того, как вы поступите, если я вам все расскажу...

- Не понимаю...

- Если вы собираетесь передать содержимое нашего разговора хозяйке или мосье Роже, то ничего вам не скажу... Я ведь всего лишь рабочий... И уж тем более, если мне придется повторить свои показания перед судом...

- Почему перед судом?

- Потому что, когда вас вызывают в полицию, то, значит, произошло что-то неладное, разве не так?

- Вы полагаете, что в доме на улице Толозе что-то случилось?

- Вы не ответили на мой вопрос.

- Думаю, что тема нашего разговора останется между нами...

- Что вы хотите узнать?

- Какие отношения были между вашим хозяином и его женой?

- Разве она вам об этом не сказала?.. Я же видел, как вы прошли через двор и почти час беседовали с ней...

- Давно Пру стал ее любовником?

- Любовником, не знаю... Но вот уже два года, как он спит в доме...

- А как к этому отнесся Планшон?

- Как и любой рогоносец!

- Вы хотите сказать, что он воспринял такую ситуацию как должное?

- Как должное или нет, но он ничего не мог поделать...

- Но ведь это происходило у него в доме?

- Может быть, он так считал, но, скорее, это был ее дом.
- Когда он женился на ней, у нее же ничего не было...
- Да, я припоминаю... И все же, когда я впервые увидел ее, то сразу понял, что она все приберет к своим рукам...
- Вы считаете, что Планшон был слабым человеком?
- Возможно, это и так... Но скорее я бы сказал, что он славный парень, но ему не повезло... Он мог бы быть счастлив с любой другой женщиной... И надо же было такому случиться, что ему попала именно эта...
- Однако несколько лет они жили дружно... Старик со скептическим видом покачал головой:
- Ну, если вы так считаете...
- А вы другого мнения?
- Возможно, он и был счастлив... Вполне вероятно, и она была счастлива по-своему... Только они никогда не были счастливы вместе...
- Она ему изменяла?
- Думаю, она изменяла ему прежде, чем перебралась на улицу Толозе...
- Заметьте, раньше я этого не замечал... Но как только она стала мадам Планшон...
- С кем она ему изменяла?
- С первым встречным самцом... Почти со всеми рабочими малярной мастерской... Будь и я помоложе...
- Планшон о чем-нибудь догадывался?
- Разве мужья это замечают?
- А как было с Пру?
- Здесь ей попался твердый мужчина, который сам себе на уме... Ему мало было мимолетной связи, как это было с другими...
- Вы считаете, что с самого начала он хотел выжить хозяина?
- Сначала - из кровати... Потом - из мастерской... Если вы теперь передадите мои слова Пру, то мне придется подыскивать себе работу в другом месте... Не говорю уж о том, что он может подстеречь меня где-нибудь в темном закоулке...
- Он такой горячий?
- Никогда не видел, чтобы он кого-то ударил, но врагом его я стать бы не хотел...
- Когда вы видели Планшона в последний раз?
- Наконец-то! Долго же вы тянули, чтобы задать этот вопрос. Я заранее к нему приготовился, так как знал, что вы об этом спросите. Я видел его в понедельник, в половине шестого вечера...
- Где?
- На улице Толозе... Мы работали в разных местах.. Мне приказали перекрасить кухню у одной старушки на улице Коленкур... Хозяин и другие маляры работали в новом доме на авеню Жюно... Работы там много... Недели на три, не меньше... Около половины шестого, как я уже сказал, я был в мастерской, когда во двор въехал грузовик... За рулем был хозяин, Пру сидел рядом с ним, а Анжело и длинный Жеф находились сзади...
- Ничего необычного вы не заметили?
- Нет. Они выгрузили инструменты, и хозяин, как обычно, вошел в дом, чтобы переодеться... Он всегда переодевался после работы...
- Вам известно, как он проводил свои вечера?
- Да... Мне случалось встречать его.

- Где?

- В бистро... С тех пор, как Пру окончательно устроился в доме, Планшон начал крепко выпивать, особенно по вечерам...

- Вам не казалось, что он мог покончить с собой?

- Мне это даже не приходило в голову.

- Почему?

- Уж если он два года мирился с такой ситуацией, то, наверное, терпел бы измену жены и всю жизнь...

- Вы знаете о том, что он уже не владелец мастерской?

- Он уже давно ей не владеет... Его только считали хозяином, но в действительности он им не был...

- Никто вам не говорил о том, что Пру выкупил у него мастерскую?

Жюль Лавис, прозванный Папашей, внимательно посмотрел на комиссара и отрицательно покачал головой.

- Им удалось заставить его подписать бумагу?

И как бы обращаясь к самому себе, он закончил фразу:

- Они еще хитрее, чем я думал...

- Разве Пру не говорил вам об этом?

- Впервые слышу от вас и совсем этому не удивлен... Не потому ли он уехал?.. Они все-таки вышвырнули его. за дверь?

Казалось, старый маляр был искренне огорчен.

- Мне только непонятно, почему он не взял с собой дочь? Я был убежден, что именно из-за нее он терпел все эти унижения...

- Разве во вторник вам ничего не сообщили?

- Пру лишь сказал, что Планшон уехал.

- Он не уточнил, при каких обстоятельствах это произошло?

- Рассказал только, что Планшон был в стельку пьян, когда пришел забирать свои вещи...

- Вы ему поверили?

- А почему бы и нет?.. Разве все было не так? Во взгляде маляра появилось любопытство.

- Вы что-то от меня скрываете, не так ли?

- А вы?

- Вернувшись как-то домой, я сказал своей ясене, что Планшон долго не выдержит... А все потому, что он действительно любил свою супругу... До такой степени, что выглядел просто идиотом... Ну, а на дочь он молился, как на икону...

- Грузовик выезжал со двора во вторник утром?

- Да... Нас всех развозил на работу Пру... Он высадил меня на улице Коленкур, напротив дома, где живет эта старушка...

- Ничего необычного вы не заметили? ""^"В грузовике были бидоны с краской, рулоны обоев, кисти, что же еще?

- Благодарю вас, мосье Лавис.

- Это все?

Старик казался огорченным.

- Вы хотите, чтобы я задал вам другие вопросы?

- Нет. Я думал, что наша беседа будет дольше... Я ведь впервые в полиции...  
- Если вдруг вы что-то еще вспомните, обязательно придите или позвоните мне...  
- Пру наверняка спросит меня, о чем мы с вами толковали...  
- Скажите ему, что я расспрашивал о Планшоне, интересовался, как он себя вел и мог ли покончить с собой...

- Вы думаете, он это сделал?

- Я знаю об этом столько же, сколько и вы...

Старик-маляр ушел, а через несколько минут комиссар пригласил в кабинет молодого итальянца Агокело. Он приехал во Францию всего лишь шесть месяцев назад, и Мегрэ пришлось по два или три раза повторять ему каждый вопрос.

Отвечая на один из них, молодой маляр, казалось, удивился.

- Ваша хозяйка никогда с вами не заигрывала?

- Заигрывала?

Анжело был красивым юношей с неясными и ласковыми глазами.

- Не пыталась ли она завлечь вас в дом? Он рассмеялся и запротестовал:

- А что сказал бы на это господин Роже?

- Он ревнивый?

- Думаю, что...

И он сделал жест рукой, словно вонзая кинжал в грудь.

- Значит, господина Планшона вы после понедельника больше не видели?

На этом комиссар отпустил итальянца. Третий рабочий, вызванный на одиннадцать часов и которого его приятели прозвали верзилой Жефом, постоянно твердил, отвечая на вопросы:

- Не знаю...

Он не желал впутываться в чужие дела и не питал, видимо, особой любви к полиции. Причины для этого у него были: как узнал позже Мегрэ, как-то раз верзила Жеф разбил бутылку о голову одного из клиентов в каком-то баре, а до этого его уже неоднократно задерживали за драки в общественном месте.

Мегрэ пообедал в пивной "Дофин" в компании Люка. Тот не сообщил комиссару ничего нового: опрошенные им водители такси утверждали, что пассажир с заячьей губой им не попадался. Однако это еще ни о чем не говорило: обычно свидетели избегают давать показания, ибо хорошо знают, сколько времени им придется потерять на допросах в полиции, затем у судебного следователя и, наконец, на судебных заседаниях.

Что же касается отдела полиции, занимающегося отелями и меблированными комнатами, то, хотя там и работали опытные специалисты, они так и не смогли отыскать следов Планшона. Тот, насколько Мегрэ мог судить по его характеру, не стал бы предъявлять фальшивые документы и зарегистрировался бы в номере отеля или в меблированной комнате под своим подлинным именем.

Все, кто видел его в последний раз, утверждали, что этот невысокого роста мужчина спускался по улице Толозе, неся в руках два чемодана.

Разумеется, он мог сесть в автобус и доехать до вокзала, где его бы не заметили.

- Что вы об этом думаете, шеф?

- Он обещал мне звонить каждый день... В воскресенье он этого не сделал, но в понедельник звонил...

Рене и ее любовник живы. Может, Планшон в самом деле внезапно уехал?



Около восьми часов вечера он вышел из кафе, находящегося на площади Аббес. В тот момент Планшон был уже немного навеселе, так как, судя по всему, уже посетил до этого несколько баров. Если получше поискать вокруг, то следы его наверняка обнаружатся. Что могло взбрести ему в голову после нескольких рюмок?

- Если он бросился в Сену, пройдут недели, пока его тело не выловят оттуда... - тихим голосом продолжал Люка.

Конечно, нелепо было думать, что человек с заячьей губой сначала набил своими вещами два чемодана, утащил их из дома, а потом вдруг бросился в Сену, чтобы покончить с собой. Скверно чувствуя себя из-за простуды, Мегрэ выпил чашку кофе с коньяком и к двум часам вернулся к себе в кабинет.

Роже Пру опоздал на десять минут, и комиссар в отместку заставил его ждать в приемной почти до четырех часов. Люка несколько раз пытался разглядеть его через застекленную перегородку.

- Ну, как он там?
- Злятся, что его не приглашают в кабинет.
- Чем он занимается?
- Читает газету и часто поглядывает на дверь...

Наконец Жозеф проводил его в кабинет. Мегрэ не встал из-за стола.

Зажав трубку в зубах, он склонился над бумагами, делая вид, что весь поглощен ими.

- Присаживайтесь... - проронил он, указав посетителю на один из стульев.
- Я не могу терять время даром...
- Минутку... Я сейчас вами займусь...

Однако комиссар продолжал листать документы и делать на них пометки красным карандашом. Это длилось еще добрых десять минут, после чего Мегрэ поднялся, открыл дверь в комнату инспекторов и какое-то время тихим голосом давал указания.

Только после этого он посмотрел в лицо человека, сидевшего на обитом зеленым бархатом стуле. Усаживаясь за стол, Мегрэ самым непринужденным тоном спросил:

- Вас зовут Роже Пру?

## ГЛАВА VI

- Роже Этьен Фердинанд Пру... - ответил тот четким голосом. - Родился в Париже, на улице Рокет...

Слегка приподнявшись со стула, он достал из заднего кармана брюк бумажник, вынул из него удостоверение личности и положил документ на стол комиссара.

- Вам ведь нужны точные данные?

Перед приходом в полицию он побрился, надел синий выходной костюм.

Мегрэ не ошибся, представляя его себе таким: темные жесткие волосы, падающие на лоб, густые брови.

Это был красивый самец, красивой самкой была и Рене. Своим вызывающим спокойствием оба напоминали пару хищников. Если Роже Пру и ворчал, то только потому, что его и его работников полиция заставляла терять время даром. Он разгадал игру комиссара, и в его глазах сквозила явная ирония.

В деревне он мог бы быть первым парнем, который по выходным дням водит своих друзей на драку с молодежью из соседнего поселка и который не пропустит ни одной местной девушки.

Работай он на заводе, Роже Пру постоянно задирался бы с мастерами, устраивал бы им потехи ради мелкие пакости, чтобы выглядеть в глазах своих приятелей чуть ли не героем.

По своим внешним данным и характеру, о которых Мегрэ теперь имел ясное представление, Пру мог бы в равной степени быть и сутенером, но не в районе Этуаль, а в каком-нибудь квартале ворот Сен-Дени или площади Бастилии. Комиссар далее представил его себе играющим целый день в карты в бистро и бдительно следящим за тем, что происходит вокруг.

Наконец, он мог бы возглавить банду лихих парней. Нет, разумеется, не для того, чтобы наводить ужас на местных жителей, а всего лишь грабить ночью грузовые склады вокруг Северного вокзала или в его окрестностях.

Мегрэ возвратил ему документы, которые были в порядке.

- Вы принесли ту бумагу, о которой я просил в повестке?

Пру со спокойным видом достал толстыми пальцами из бумажника листок, подписанный Леонаром Планшоном, согласно которому он и его любовница становились совладельцами малярной мастерской. С тем же флегматичным и высокомерным видом он протянул документ комиссару.

Мегрэ встал и вновь направился в комнату инспекторов, остановился в дверях между двумя кабинетами, чтобы не терять из виду своего посетителя.

- Лапуэнт! - позвал он и тихо приказал:

- Отнеси этот листок господину Пируэ... Он знает, что с ним делать...

Техническая лаборатория находилась под самой крышей Дворца правосудия. Господин Пируэ поступил на службу совсем недавно. Это был забавный тип, тучный и жизнерадостный. Вначале, когда его приняли помощником эксперта-химика, коллеги относились к нему с некоторым недоверием, поскольку своей внешностью и манерами он скорее напоминал коммивояжера. По чистой иронии сотрудники уголовной полиции стали называть его господином Пируэ, особо напирая на обращение господин.

Однако он проявил себя как великолепный специалист, изобретатель, у которого голова была полна разных идей. Своими руками он смастерил несколько тонких приборов и, кроме того, оказался удивительно способным графологом.

Незадолго до прихода Пру в управление Мегрэ послал одного из инспекторов в отдел социального обеспечения и велел ему раздобыть платежные документы с подписью Планшона.

Небо было серым. Как и в прошлую субботу, на город начал опускаться туман.

Комиссар не спеша возвратился в свой кабинет, и Пру, не выдержав, заговорил первым:

- Полагаю, если вы меня сюда вызвали, то у вас есть ко мне вопросы?

Мегрэ смотрел на него с самым равнодушным видом и с оттенком легкой иронии на лице.

- Конечно... - ответил комиссар, едва шевеля губами, - вопросов у меня много, но я не знаю, с чего начать...

- Предупреждаю, если вы надо мной смеетесь...

- Я вовсе не намерен смеяться над вами... Ваш бывший хозяин Планшон исчез, и я хотел бы знать, что с ним стало...

- Рене вам уже все рассказала...

- Да, она утверждает, что он ушел из дома в понедельник вечером с двумя чемоданами... Вы тоже видели, как он уходил, не так ли?

- Нет уж, извините! Не заставляйте меня говорить то, чего я не говорил... Я слышал, как он уходил... Я был за дверью...

- То есть, вы не видели, как он ушел?

- Нет, не видел... Я слышал их разговор... Я также слышал, как он поднялся на второй этаж, чтобы взять свои вещи... Затем я услышал, как он шагнул по коридору, хлопнул дверью и вышел во двор...

- С этого момента он пропал.

- Почему же пропал? Если человек уходит из своего дома, то это еще вовсе не значит, что он пропал...

- Дело в том, что Планшон должен был позвонить мне во вторник.

Специально к допросу Мегрэ не готовился, и эта безобидная с виду фраза пришла ему в голову только сейчас. Разумеется, он не отрывал при этом взгляда от своего собеседника. Разочаровала ли его слабая реакция Пру? Но нет! Наверняка Роже Пру не ожидал услышать нечто подобное и был слегка шокирован. Брови его нахмурились, несколько минут он пытался понять, что означали последние слова комиссара.

- Откуда вам известно, что он должен был вам звонить?

- Потому что он мне это пообещал.

- Разве вы были с ним знакомы?

Не отвечая, Мегрэ принялся набивать трубку табаком столь медленно, что вывел бы из себя кого угодно. Однако Роже Пру оставался спокойным.

- Лучше поговорим о вас... Вам двадцать восемь лет?..

- Двадцать девять...

- Родились на улице Рокет... Чем занимался ваш отец?

- Он был столяром... У него мастерская в самом конце тупика... Если вы хотите все знать, то он реставрирует старинную мебель...

- У вас есть братья и сестры?

- Сестры...

- Значит, вы единственный сын у родителей?.. Отец не пытался обучить вас своей профессии?.. Это ремесло, насколько я знаю, постепенно исчезает, но оно дает возможность прилично зарабатывать на жизнь...

- До шестнадцати лет я работал с ним...

Он нарочно говорил так, будто отвечал на уроке домашнее задание.

- А что произошло после?

- Мне надоела эта работа.

- Вы предпочли стать строительным маляром?

- Не сразу... Я хотел стать велогонщиком... Не шоссейным, как велосипедисты, участвующие в гонке "Тур де Франс", а трековым велогонщиком!.. Два года подряд я участвовал в гонке юниоров в Вел д'Ив...

- Это позволяло вам безбедно существовать?

- Конечно, нет. Поэтому я и понял, что слишком тяжеловат и никогда не стану настоящим мастером и бросил велосипед... Желаете знать, что было дальше?

Мегрэ утвердительно кивнул головой, выпустил небольшую струю табачного дыма, поигрывая карандашом.

- Я досрочно поступил на военную службу, чтобы быстрее ее закончить...

- У вас уже появились какие-то планы?

- Разумеется... Зачем мне скрывать это от вас... Я хотел заработать достаточно денег, чтобы стать свободным человеком...

- Чем вы занимались, вернувшись в Париж?

- Сначала я работал в гараже, где жизнь мне показалась слишком монотонной... Да и потом хозяин постоянно придирался ко мне, да и работать приходилось не восемь, а одиннадцать часов в день... Несколько месяцев я был учеником слесаря... Наконец, один приятель помог мне устроиться в малярную мастерскую...

- К Планшону?

- Нет, тогда еще к другим хозяевам... К Дежардену и Броссу, их мастерская находится на бульваре Рошешуар... То есть, недалеко от Монмартра и улицы Толозе.

- У вас появились сбережения? Пру разгадал, о чем думал Мегрэ.

- Конечно...

- Большие?

- Я откладывал, сколько мог...

- Когда вы поступили на работу к Планшону?

- Чуть более двух лет назад... Я поссорился с одним из хозяев...

Кроме того, та мастерская была слишком большая... А мне хотелось работать у какого-нибудь мелкого хозяина-маляра...

- Вы жили по-прежнему со своими родителями?

- Я уже давно жил один в меблированных комнатах...

- Где?

- Вниз по улице Лепик... В гостинице "Босежур"...

- Предполагаю, вы познакомились с Планшоном в одном из кафе, и он сказал вам, что ищет хорошего рабочего?

Пру посмотрел на комиссара, снова нахмурил брови, и Мегрэ не удивился, что он почти так же реагировал на вопросы, как и Рене.

- Что вы хотите от меня услышать?

- Ничего... Мне просто интересно знать... Планшон бывал в кабачках в своем квартале... Естественно, можно подумать...

- Вы все понимаете превратно...

- Могло случиться и так, что вас повстречала мадам Планшон, или когда она пришла на рынок, или...

- Вы пригласили меня сюда, чтобы рассказывать мне все эти глупости?

Казалось, что он вот-вот встанет со стула и направится к двери.

- До того, как поступить на работу к Планшону, я с Рене не был знаком. Это раз! И не она помогла мне устроиться в мастерскую своего мужа. Это два! Понятно?..

Мегрэ повторил со странной улыбкой на губах:

- Понятно!.. Вы пришли по объявлению?.. Проходя мимо входной решетки, вы заметили небольшой листок, в котором предлагалось место рабочего?..

- Никакого листка не было... Я пришел туда наудачу, и оказалось, что мастерской действительно требовался рабочий...

- Через сколько времени вы стали любовником мадам Планшон?

- Позвольте! Есть ли у вас право вмешиваться в личную жизнь людей?

- Но ведь Планшон пропал.

- Это утверждаете только вы.

- Вы можете не отвечать.
- А если я не отвечу на этот вопрос?
- Мне придется сделать соответствующий вывод. Пру с высокомерным видом процедил:
- Ну, где-то через неделю...
- То есть, почти сразу же после вашего поступления на работу?
- Да, мы очень быстро сошлись...
- Вы знали о том, что с ней, как вы выразились, сошлось большинство ваших товарищей? Внезапно кровь прилила к щекам Пру, и какое-то время он яростно сжимал челюсти.
- Вы знали об этом? - настойчиво добивался ответа Мегрэ.
- Это вас не касается.
- Вы любите ее?
- Это мое личное дело...
- Когда вас застал Планшон?
- Он нас не застал...
- Мегрэ притворился, что удивлен этим словам.
- Я думал, что он застал вас на месте преступления, и поэтому он...
- Что, поэтому он?
- Минутку... Дайте мне привести свои мысли в порядок... Вы были одним из рабочих Планшона и при случае спали с его женой... Вы продолжали жить на улице Лепик?
- Да...
- И вот однажды вы перебрались в дом на улицу Толозе и таким образом вытолкнули из кровати Планшона, чтобы занять его место...
- А вы его видели?
- Кого?
- Планшона... Вы только что сказали, что он должен был вам позвонить... Значит, он встречался с вами... Он приходил к вам?... Он на нас жаловался?..
- Взгляд Мегрэ стал неясным, и вся его персона источала раздражающую пассивность. Будто не слыша вопроса, он равнодушно глядел в окно и, затягиваясь дымом из трубки, шептал что-то, как будто сам себе:
- Я пытаюсь представить себе эту сцену... Планшон возвращается вечером к себе домой и видит раскладушку, которую для него приготовили в столовой... Разве не удивился ваш хозяин?... До этого времени он ничего не знал о том, что творилось у него за спиной. И вот он внезапно узнает, что больше не имеет права спать в собственной постели...
- Вас это забавляет?
- Пру, похоже, сохранял спокойствие, только глаза у него стали более жесткими и заблестели, и время от времени было слышно, как он сжимал челюсти.
- Вы ее так любили?
- Это моя жена!
- По закону - она еще жена Планшона... Почему ваша любовница не развелась?..
- Потому что для развода необходимо согласие обоих супругов, а он упорно отказывался дать ей развод...
- Может, он ее тоже любил?

- Я этого не знаю. Да и не хочу знать. Спросите у него сами... Если вы с ним встречались, то так же прекрасно, как и я, знаете, что он не мужчина... Он тряпка!.. Он выродок!.. Он...

Голос Пру был полон злобы.

- Он отец Изабеллы...

- А знаете ли вы, что Изабелла скорее хочет видеть меня в этом доме, чем этого типа, который каждый вечер набирается и плачется у кровати дочери?..

- До того, как вы поступили к нему на работу, он не пил...

- Это он вам сказал?.. И вы ему поверили?.. В таком случае, мы напрасно теряем здесь время...

- Верните мне документ, задайте мне вопросы, которые у вас еще остаются, и давайте на этом закончим... Меня совсем не волнует, что вы обо мне плохого мнения...

- Есть одна вещь, которая мне непонятна.

- Только одна? - с иронией спросил Пру. А Мегрэ, словно не слыша, продолжал рассуждать вслух медленным и монотонным голосом:

- Вот уже чуть больше двух недель, как Планшон уступил вам свою долю в деле... Ваша любовница и вы стали владельцами его мастерской... Думаю, Планшон уже не желал работать под вашим началом!..

- Конечно, поэтому он и уехал...

- Да, но он проработал после этого еще две недели...

- Вас это удивляет, потому что у вас своя логика. Вы считаете, что люди должны вести себя так или так, а не иначе... Однако бывает, что человек поступает иногда вопреки всякой логике... Иначе он не спал бы два года на раскладушке, а жена его в это время спала со мной в соседней комнате... Что вы на это скажете?

- Итак, подписав акт о продаже, Планшон тем самым согласился уйти из дома?

- Именно об этом мы и договорились между собой...

- В какой-то степени у вас появилось право вышвырнуть его за дверь...

- Не знаю... Я не адвокат... Мы же согласились терпеть его присутствие еще две недели...

Слушая Роже Пру, комиссар мысленно представлял себе, как человек с заячьей губой исповедует у него в гостиной на бульваре Ришар-Ленуар, а сквозь застекленную дверь виднеется стол, накрытый для ужина. Конечно, до прихода Планшон выпил несколько рюмок, как он сознался, для храбрости, да и сам Мегрэ, чувствуя, что силы посетителя тают, налил ему сливянки. Однако, несмотря на то что Планшон был не совсем трезв, исповедь его показалась комиссару правдивой.

И все же... Не ощутил ли в тот субботний вечер Мегрэ нечто вроде неловкости? Не приходило ли ему несколько раз в голову сомнение и не смотрел ли он на своего собеседника более жестким взглядом?

Его длинный монолог был полон страсти.

Но и в голосе Рене, хотя она и старалась держать себя в руках, тоже звучала страсть.

Да и Пру, пытавшийся казаться хладнокровным, порой крепко сжимал зубы.

- Почему вы считаете, что он принял внезапное решение уйти из дома именно в понедельник вечером? Пру лишь безразлично пожал плечами.

- Он унес с собой три миллиона франков? - Продолжал настаивать Мегрэ.

- Я у него об этом не спрашивал.

- Когда вы ему их вручили две недели назад, что он с ними сделал?

- Он поднялся на второй этаж... Думаю, он где-то их спрятал...

- Он не отнес их в банк?

- В тот день он не мог бы этого сделать, дело ведь происходило вечером, сразу же после ужина.

- В кабинете?

- Нет. В гостиной. Мы ждали, когда малышка уснет...

- Вы все трое об этом говорили заранее? И обо всем условились, включая и сумму? Видимо, вы хранили деньги в кабинете?

- Нет. В спальне.

- Боялись, что он их возьмет?

- Спальня-то была только нашей.

- Вам двадцать девять лет... Вы могли откладывать деньги только после службы в армии... Каким же образом за такое короткое время вы сумели накопить столько денег?

- Из них мне принадлежала только часть, точнее одна треть...

- Где же вы достали остальные деньги? Казалось, этот вопрос его ничуть не смутил. Наоборот! Похоже, он был очень доволен, что комиссар его задал, и начал объяснять:

- Один миллион мне одолжил отец. Он работал всю жизнь, чтобы скопить деньги... Еще один миллион одолжил мне муж моей сестры... Его зовут Мурье, Франсуа Мурье, у него колбасная лавка на бульваре Шарон...

- Когда вы получили эти деньги?

- Перед Рождеством... Мы надеялись покончить с Планшоном на следующий день...

- Покончить?

- Ну да, мы хотели дать ему деньги, чтобы он ушел из дома! Вы меня очень хорошо поняли.

- Наверное, вы дали ему расписку?

- Даже с родственниками я стараюсь заключать все дела на законном основании.

Мегрэ подвинул к нему блокнот и ручку.

- Не напишите ли мне точный адрес вашего отца и шурина?

- Доверяй-доверяй, но проверяй!

Однако он написал адреса. Почерк у него был старательный, ровный, почти как у школьника. Когда комиссар рассматривал адреса в блокноте, зазвонил телефон.

- Говорит Пируэ... Я закончил... Вы мелеете подняться, или, если хотите, я спущусь в ваш кабинет...

- Нет, я сам поднимусь к вам...

И обращаясь в Пру, комиссар произнес:

- Прошу извинить меня. Я ненадолго отлучусь... Он прошел через соседний кабинет, оставив дверь открытой, и попросил Лапуэнта:

- Посиди у меня в кабинете и понаблюдай за ним...

Через несколько минут он уже взобрался на самый верх Дворца правосудия, пожал руку Моэрсу, чуть не задел манекен, изготовленный для следственных экспериментов, и вошел в лабораторию.

Господин Пируэ с блестящим от пота лицом изучал две увеличенные, еще влажные фотографии, заколотые прищепками.

- Ну и что?

- Мне нужно задать вам один вопрос, шеф... Тип, который подписал эти документы, много пил?

- Почему вы об этом спрашиваете?

- Это могло бы объяснить, почему подписи отличаются друг от друга...

Посмотрите сначала на эту подпись в платежной ведомости... Почерк здесь не очень твердый... Я бы сказал, что он принадлежит человеку неуравновешенному, хотя в хладнокровии ему не откажешь... Вы знакомы с этим человеком?

- Да. Я беседовал с ним почти целый вечер.

- Хотите знать, что я о нем думаю?

Увидев, что Мегрэ утвердительно кивнул головой, эксперт принялся рассуждать:

У этого человека лишь начальное образование, но он всегда отличался прилежанием. У него почти болезненная застенчивость, но иногда проявляются всплески гордости. Он пытается выглядеть спокойным, держать себя в руках, но зачастую им обуревают страстные чувства.

- Неплохо!

- У него что-то со здоровьем... Он болен или думает, что болен...

- А его подпись на акте продажи?

- Именно поэтому я вас спросил, пьет ли он. Здесь почерк довольно сильно отличается... Возможно, писал тот же человек, в таком случае, если и подписывал он, то был или пьян, или очень волновался...

Посмотрите сами и сравните... Здесь буквы ровные, хотя рука немного дрожала, как это случается с пьющим человеком, однако в момент подписи он не был пьян... На акте продажи, наоборот, все буквы написаны нетвердой рукой...

- По-вашему, писал один и тот же человек?

- В случае, о котором я вам только что говорил, да... Если же нет, то речь идет о подделке подписи... Часто при подделке можно найти те же неясно написанные буквы, те же признаки, указывающие на душевное волнение...

- Благодарю вас. А не скажете, что общего между этим почерком и предыдущими?

Мегрэ протянул ему листок бумаги, на котором Роже Пру написал несколько минут назад два адреса. Господин Пируэ бросил на листок лишь беглый взгляд и заключил:

- Никакого сходства... Могу вам объяснить...

- Не сейчас. Спасибо, господин Пируэ...

Мегрэ взял оригиналы документов и вернулся в свой кабинет. Пру по-прежнему сидел на своем стуле, а Лапуэнт стоял перед окном.

- Ты можешь идти, старина.

- Ну, и чего вы еще хотите от меня? - спросил любовник Рене.

- Ничего... Возвращаю вам акт о продаже мастерской... Видимо, его отпечатали на машинке мадам Планшон?

- А разве она не говорила вам об этом? Тайны тут нет никакой...

- Ее муж был пьян, когда подписывал этот акт?

- Он знал, что делал. Силком мы его не заставляли ставить свою подпись. Конечно, в тот час, как это с ним случилось, он уже пропустил несколько рюмок...

- У вашего отца есть телефон? Какой у него номер?

По-прежнему с высокомерным видом Пру диктовал номер комиссару, и тот набирал его по телефону.

- Его звать Гюстав Пру... Только кричите погромче, он туг на ухо...



- Господин Гюстав Пру... Извините за беспокойство... У меня здесь ваш сын... Он уверяет, что в декабре вы одолжили ему сумму в миллион старых франков... Да... Он рядом со мной... Как?... Вы хотите поговорить с ним?

Старик тоже был недоверчив. Мегрэ протянул телефонную трубку своему собеседнику.

- Это я, отец... Ты узнал мой голос? Ладно! Ты можешь ответить на вопросы, которые тебе зададут... Нет! Это простая формальность... Позже объясню... До скорого, да... Все хорошо... Да, он ушел... Не сейчас... Я зайду к тебе в воскресенье-Роже Пру вернул трубку комиссару.

- Теперь вы можете ответить на мой вопрос?... Вы дали ему в долг один миллион?... Хорошо!.. Наличными?... Вы взяли их из банка накануне?... Из сберегательной кассы?... Да, я вас слышу... Ваш сын дал вам расписку?..

Благодарю вас... Я пошлю к вам кого-нибудь... Он просто проверит... Вы только покажете эту расписку... Минутку... В какой день это было?..

Накануне Рождества?..

В глазах Пру еще больше, чем раньше, сквозила презрительная ирония.

- Вы, наверное, хотите звонить и моему шурина?

- Это не срочно. Не сомневаюсь, что он тоже подтвердит, что дал вам в долг деньги...

- Я могу уйти?

- Если не желаете сделать признание...

- Какое еще признание?

- Не знаю. Может быть, вы догадываетесь, куда мог направиться Планшон, после того как он ушел из дома. Физически ведь он не очень-то крепкий. Да и потом он был пьян. С двумя чемоданами ему трудно было далеко уйти...

- Разве не вы обязаны разыскивать его? Или это должен делать за вас я?

- Ну, об этом я вас не прошу. Просто, если у вас есть какие-то соображения, вы могли бы со мной ими поделиться и помогли бы выиграть время...

- Почему вы не спросили об этом самого Планшона, когда встречались с ним или когда он вам звонил по телефону?... Он наверняка ответил бы лучше, чем я...

- Странно, но он вовсе не хотел покинуть свой дом.

- Он вам это сказал?

На этот раз вопросы начал задавать Пру.

- Он рассказал мне о многом.

- Он приходил сюда?

Пру с трудом сдерживался, в его голосе звучала тревога. Мегрэ, не отвечая на вопрос, равнодушно смотрел ему в глаза, словно беседа потеряла для него всякий интерес.

- Меня удивляет одна вещь... - негромко произнес наконец комиссар.

- Что именно?

- Не знаю, любил ли Планшон жену по-прежнему или уже начал ее ненавидеть...

- Смотря в какое время.

- Что вы хотите этим сказать?

- Это зависело от степени его опьянения... В разное время он вел себя по-разному... Иногда мы просыпались и слышали, как он что-то бормотал вслух в соседней комнате, как будто готовил нам какую-то пакость...

- Какую, например?

- Откуда мне знать? Хочу вам признаться... Я всегда старался работать с ним рядом, чтобы не упускать его из виду... Если днем он собирался заскочить на улицу Толозе, я ехал с ним... Я боялся за Рене...

- Думаете, он был способен ее убить?

- Да, он иногда угрожал ей...

- Убийством?

- Он не уточнял... Напиваясь, он разговаривал сам с собой... Точно его слова я не могу повторить... Он произносил их невнятно: "Я всего лишь трус... Пусть это так!.. Надо мной все потешаются... Но когда-нибудь они поймут, что..." Видите, что он говорил? В такие минуты у него было злое лицо, хитрый взгляд, словно он уже принял окончательное решение. Иногда он так и покатывался со смеху: "Бедный Планшон!.. Бедный никчемный человек, от лица которого шарахаются люди... Но он не такой уж и трус..."

Мегрэ напряженно и с волнением слушал Пру. Похоже, тот рассказывал правду. Человек, которого сейчас так злобно и иронически передразнивал Роже Пру, был вылитой копией того Планшона, что совсем недавно приходил исповедоваться в квартиру комиссара на бульваре Ришар-Ленуар.

- Вы полагаете, что он в самом деле хотел убить жену?

- Уверен, эта мысль постоянно вертелась у него в голове, особенно, когда он бывал сильно пьян...

- А вас он собирался убить?

- Да, я думаю...

- А дочь?

- Изабеллу он и пальцем бы не тронул... А впрочем! Кто знает? Он был так зол, что будь его воля, взорвал бы весь дом...

Мегрэ со вздохом поднялся, неуверенным шагом приблизился к окну.

- А у вас не мелькала в голове такая же мысль?

- Убить Рене?

- Не ее, а его!

- Тогда мы быстрее бы от него избавились.. Но подумайте сами, если бы я этого хотел, то не ждал бы два года... Вы представляете себе, что это были за годы с этим человеком, который постоянно путался у нас под ногами?

- А для него?

- Ему давно нужно было уйти из дома... Когда женщина вас разлюбила и полюбила другого и открыто вам заявляет об этом, то вы, разумеется, знаете, что вам остается делать...

Пру тоже поднялся со стула. Он окончательно вышел из себя, голос его стал резким:

- Вместо этого он продолжал отравлять нам жизнь. Да еще вы приходите в дом, задаете вопросы Рене, приглашаете к себе в кабинет рабочих, и вот уже более часа вынуждаете меня говорить, не знаю чего... У вас есть еще вопросы?.. Разве я арестован?.. Мне можно уйти?..

- Да, вы свободны...

- Тогда я вас приветствую...

Выходя из кабинета, он громко хлопнул дверью.

## ГЛАВА VII

В этот вечер никто не мешал Мегрэ смотреть телевизионную передачу. В домашних тапочках, сидя в теплой комнате рядом с женой, он удобно расположился перед экраном. Однако в глубине души комиссар предпочел бы заменить Жанвье и Лапуэнта, которые в хорошо знакомом ему квартале, на Монмартре, обходили сейчас все питейные заведения в поисках следов Планшона. Каждый из инспекторов следовал своим определенным маршрутом, заглядывая в старые и современного вида кафе и бары, освещенные желтоватыми лампами или неоновыми вывесками, и ощущая запахи пива и кальвадоса.

Разумеется, Мегрэ был горд тем, что дослужился до звания дивизионного комиссара и занимал пост начальника бригады уголовной полиции. И все же он испытывал нечто вроде ностальгии по тем временам, когда, будучи рядовым инспектором, он мерз зимними вечерами на улице, посещал комнаты консьержек с их специфическими запахами, обходил значные места в поисках хоть незначительных улик.

Разве не упрекали его высокие начальники за то, что он слишком часто покидал свой рабочий кабинет и самолично уподоблялся ищейке? Как им можно было объяснить, особенно этим важным господам из прокуратуры, что ему было просто необходимо увидеть и разнюхать все самому, проникнуться атмосферой вездесущего расследования?

Словно по иронии, на экране шла одна из трагедий Корнеля. Король и одетые в боевые доспехи воины по очереди декламировали полные пафоса стихи, которые напоминали Мегрэ его учебу в колледже.

Комиссару пришлось некоторое время приходиться в себя, когда телефонный звонок оторвал его от телевизионной пьесы и вернул к действительности.

Самым будничным голосом Жанвье, позвонивший первым, сообщил:

- Кажется, шеф, я напал на след... Звоню из бара на улице Жермен-Пилон, это в двухстах метрах от площади Аббес... Заведение называется "Приятный уголок"... Хозяин уже спит, а за стойкой прислуживает его жена. Выполнив заказы клиентов, она присаживается погреться у печки... Лишь только я заикнулся о человеке с заячьей губой, как она тут же вспомнила о нем. "С ним что-нибудь случилось?" - спросила она меня. - Он часто заходил сюда около восьми часов вечера, чтобы пропустить одну-две рюмки. Кажется, наш кот его полюбил: он терся о ноги клиента, а тот нагибался, чтобы его погладить..." Бар небольшой, - продолжал рассказывать Жанвье, - плохо освещен, а стены темного цвета...

Не знаю, почему он открыт по вечерам: в зале всего лишь какой-то старик, он сидит у окна и пьет грог...

- Она видела Планшона после понедельника?

- Нет. Утверждает, что он приходил в понедельник в последний раз...

Во всяком случае, вчера она обратила внимание мужа на отсутствие клиента с заячьей губой и опасалась, не заболел ли он...

- Он никогда не делился с ней своими неприятностями?

- Нет. Он все время молчал. Она жалела его, видела, что он переживает, и пыталась его приободрить...

- Продолжай поиски дальше...

Жанвье предстояло снова окунуться в холод и темноту, зайти в другой бар, расположенный чуть дальше, затем в третий. Этим же занимался и Лапуэнт.

А Мегрэ вновь вернулся к телевизору, к героям пьесы Корнеля. Жена, сидевшая рядом в кресле, бросала на мужа вопросительные взгляды.

В половине девятого позвонил уже Лапуэнт. Он был в баре на улице Лепик, просторном и светлом, где завсегдатаи играли в карты и где тоже отыскался след Планшона.

- Он всегда заказывал коньяк, шеф!.. Здесь знали, кем он был и где жил: однажды днем его видели за рулем грузовика, на борту которого большими буквами были выведены его фамилия и адрес мастерской... Его жалели... Он приходил сюда уже сильно навеселе... Ни с кем не разговаривал... Один из игроков в белот припомнил, что видел его в последний раз в понедельник... Планшон съел два крутых яйца, достав их из проволочной сетки, стоявшей на прилавке...

Жанвье попался, должно быть, неудачный маршрут: он позвонил второй раз и сообщил, что безрезультатно обошел пять кафе и баров, поскольку человек с заячьей губой там не бывал.

Персонажей трагедии Корнеля сменили на экране певцы, когда около одиннадцати часов Лапуэнт позвонил снова. Голос его звучал возбужденно:

- Есть новости, шеф... Нам бы лучше встретиться и поговорить на набережной Орфевр... Через дверь телефонной кабины я слежу за одной женщиной и боюсь, как бы она не смылась... Звоню из пивной, с площади Бланш... Здесь застекленная терраса, ее подогревают двумя жаровнями...

Вы слушаете?

- Да-да, я тебя слушаю...

- Первый же официант, к которому я обратился, сказал, что знает Планшона в лицо... Похоже, тот всегда приходил сюда поздно вечером и зачастую уже нетвердо держался на ногах... Он усаживался на террасе и заказывал пиво...

- Хотел, вероятно, выгнать весь коньяк, который выпивал до этого в других барах?

- Не знаю, бывали ли вы в этой пивной... Две или три женщины постоянно маячат на террасе и призывно смотрят на всех проходящих мимо мужчин... В основном, они работают у выхода из соседнего кинотеатра...

Официант указал мне на одну из них и посоветовал: "Кстати, вы мелете обратиться к Клементине... Это ее имя... Она расскажет вам больше, чем я... Несколько раз я видел, как они уходили вместе..." Женщина сразу догадалась, что я из полиции, и вначале никак не хотела признавать, что была знакома с Планшоном. "Что он натворил? - спрашивала она меня. - Почему его ищет полиция? А вы уверены, что я его знаю?" Но понемногу она разговорилась, и, думаю, ее показания вас заинтересуют. Пока она готова их дать, нужно составить письменный протокол... Что мне делать?..

- Отведи ее в управление. Я там скоро буду... Мадам Мегрэ с безропотным видом уже искала ботинки мужа.

- Тебе вызвать такси?

- Да...

Комиссар надел пальто и шарф. Во рту он еще ощущал вкус грога, который выпил незадолго до этого, чтобы побороть простуду.

На набережной Орфевр он поздоровался с одиноко стоящим у входа дежурным полицейским, поднялся по сероватой и плохо освещенной широкой лестнице, прошел по пустому коридору, зажег свет в своем кабинете. Затем толкнул дверь в комнату инспекторов и увидел Лапуэнта, не успевшего снять шляпу. Сидевшая женщина поднялась со стула.

В тот же самый час во всем Париже сотни ее товарок, похожие, как сестры, пританцовывали, пытаясь согреться, в темных улочках и старались заманить клиентов в меблированные комнаты.

На худых длинных ногах женщины были туфли с непомерно высокими острыми каблучками. Выше бедер фигура у нее казалась более широкой из-за короткой меховой шубы с длинным ворсом, похожей на козью шкуру.

Лицо у женщины было цвета розовой конфеты, а густо накрашенные угольного оттенка брови казались кукольными.

- Мадемуазель любезно согласилась приехать со мной в управление... - пояснил Лапуэнт.

Та без всякой злобы, но с иронией возразила:

- Откажись я поехать, так вы привели бы меня сюда силой!..

Чувствовалось, что комиссар произвел на нее сильное впечатление: она внимательно оглядела его с головы до ног.

Мегрэ снял пальто и знаком предложил женщине снова сесть. Лапуэнт, расположившийся за печатной машинкой, приготовился вести протокол.

- Как вас зовут?

- Антуанетта Лезур... Но все называют меня Сильвией... Антуанетта - это старо... Так звали мою бабушку, и я...

- Вы были знакомы с Планшоном?

- Я не знала, как его зовут... Он приходил в пивную каждый вечер и всегда еле держался на ногах... Вначале я думала, что он вдовец и напивался с горя... У него был такой несчастный вид...

- Он первый заговорил с вами?

- Нет. Я сама подошла к нему... Он испугался и готов был убежать...

Тогда я сказала ему: "Не унывай, неприятности случаются со всеми... Я тоже намучилась, когда была замужем за одним шалопаем... Кончилось тем, что он меня бросил и увез с собой дочь..." Стоило мне было упомянуть о дочери, как он размяк...

Повернувшись к Лапуэнту, женщина спросила:

- Вы что, все это будете печатать?

- Только главное, - перебил ее Мегрэ. - Когда вы познакомились?

- Несколько месяцев назад... Подождите... Летом я ездила работать в Канны, куда прибыли американские моряки... Вернулась в Париж в сентябре... Должно быть, мы познакомились где-то в начале октября...

- Он пошел с вами в первый же вечер?

- Нет. Угостил меня кружкой пива, а потом сказал, что уже поздно, а ему рано вставать, чтобы идти на работу... Он пошел со мной только два или три дня спустя после этого...

- К вам домой?

- В свою квартиру я клиентов никогда не вожу... Да и консьержка этого не позволила бы... Жильцы в моем доме - люди порядочные... На втором этаже живет даже судья... Обычно я веду клиентов в меблированные комнаты на улице Лепик... Вы там бывали? Только прошу вас, не надо чинить им неприятности... Если соблюдать все эти новые законы...

- Планшон часто вас туда сопровождал?

- Нет, не часто... Может, раз десять всего?... Да и потом, бывало, что у него ничего не получалось...

- О чем он с вами говорил?

- Как-то раз он сказал: "Вот видишь! Они правы... Я уже даже и не мужчина..."

- О своей личной жизни он вам ничего не рассказывал?

- Разумеется, я видела у него на руке обручальное кольцо... Однажды вечером я его спросила: "Над тобой измывается жена?" Он ответил, что его жене не повезло выбрать такого мужа, как он...

- Когда вы видели его в последний раз? По тому, как на него посмотрел Лапуэнт, Мегрэ понял, что тот тоже считал этот вопрос самым важным.

- В понедельник вечером...

- Вы уверены, что это был понедельник?

- Да, потому что на следующий день меня замели, и я провела целые сутки в полицейском участке... Вы можете справиться у своих коллег...

Моя фамилия должна быть у них в списке... Они привезли тогда целый фургон задержанных...

- В котором часу он появился в понедельник в пивной?

- Около десяти часов... Я только что вышла из дома: рано начинать работу на Монмартре бесполезно...

- В каком он был состоянии?

- Едва держался на ногах... Я сразу заметила, что он был пьян больше обычного... Сел рядом со мной на террасе возле жаровни... Даже руки не мог поднять, чтобы подзвать официанта, и

попросил чуть слышно: "Рюмку коньяка... Для мадам тоже..." Мы с ним чуть не поссорились... Видя, в каком он состоянии, я запрещала ему пить, а он упрямылся и твердил: "Мне плохо... Добрая рюмка коньяка меня только взбодрит..."

- Он ничего не сказал такого, что вас удивило?

- Да, в самом деле... Мне показались странными слова, которые я еле разобрала... Он несколько раз произнес: "И он тоже мне не верит..."

- Он не пояснил, что означали эти слова?

- Только проворчал: "Не бойся... Я знаю, что говорю... Ты тоже когда-нибудь это поймешь..."

Мегрэ вспомнил, каким тоном в тот понедельник Планшон сказал ему по телефону, когда звонил с площади Аббес: "Я благодарю вас..." Тогда комиссару показалось, что он уловил в его голосе не только горечь и разочарование, но и смутную угрозу.

- Вы направились в отель вместе?

- Да, он сам этого захотел... Но едва мы вышли на улицу, как он растянулся на тротуаре во весь рост... Я помогла ему подняться... Вид у него был униженный... "Я докажу им, что я настоящий мужчина"...прокричал он. Мне пришлось взять его под руку... Хозяин отеля не позволил бы ему войти туда в таком состоянии, и я еще боялась, как бы его не стошнило в комнате. Я спросила, где он живет. "Там..." - неопределенно показал он рукой. "Где это там?" - "Улица То... Улица То..." - с трудом шевелил он языком. "Улица Толозе?" - догадалась я.

"Да... Там в... Там в..." Уверю вас, мне было вовсе не до смеха! Я боялась, что появится полицейский и еще подумает, что я нарочно напоила его, чтобы обокрасть... Ничего дурного о полиции не хочу говорить, но, согласитесь, что иногда...

- Продолжайте... Вы вызвали такси?

- Еще чего!.. У меня не было ни сантима... Мы пошли пешком, и я его поддерживала... Почти полчаса мы брели на самый верх улицы Толозе, так как он постоянно останавливался, ноги его подкашивались, и перед каждым баром он повторял, что рюмка коньяку ему не помешала бы... Наконец он уперся в решетку и снова упал... Ворота были открыты... Во дворе стоял грузовик, а на борту у него какие-то буквы, которые я не разобрала из-за темноты... У самой двери я его отпустила...

- Свет в окнах горел?

- Я видела свет через занавески на первом этаже. Я прислонила его к стене, надеясь, что он сразу не упадет, а сама позвонила в дверь и быстро убежала прочь...

Весь ее рассказ сопровождал стук печатной машинки.

- С ним что-то случилось?

- Он куда-то пропал.

- Надеюсь, меня ни в чем не подозревают?

- Вы можете быть спокойны...

- Вы полагаете, что меня вызовут в суд?

- Думаю, нет... А если даже и вызовут, то опасаться вам нечего...

Лапуэнт вынул лист из печатной машинки и протянул его женщине.

- Я должна прочитать?

- И подписать.

- У меня из-за этого не будет неприятностей? Прочитав свои показания, она расписалась большими неровными буквами.

- А теперь, что мне делать?

- Вы свободны...

- Я могу еще успеть на автобус? Мегрэ вынул из кармана деньги.

- Этого вам хватит, чтобы взять такси.

Едва она ушла, как зазвонил телефон. На другом конце провода был Жанвьё. Мадам Мегрэ, когда он сначала позвонил на бульвар Ришар-Ленуар, сообщила, что муж поехал на набережную Орфевр.

- Больше ничего нового нет, шеф... Я прошел по бульвару Рошешуар до площади Анвер... Проверил все заведения на десяти маленьких улочках...

- Можешь идти спать.

- А Лапуэнт нашел что-нибудь?

- Да. Расскажу все тебе завтра... - Вернувшись домой, Мегрэ опасался только одного: как бы утром не слечь от простуды. У него неприятно покалывало в ноздрях, а веки жгло, словно огнем. К тому же он совсем не чувствовал вкус табака.

Жена приготовила ему еще один стакан грогу. Всю ночь он обливался потом, а в девять часов утра с тяжелой головой уже сидел в приемной прокуратуры и целых двадцать минут ожидал, когда его пригласит помощник генерального прокурора.

Должно быть, вид у комиссара был мрачный, так как тот сразу же спросил:

- Похоже, тип, которого вы вызывали, все же доставил вам неприятности?

- Нет, но в деле появилось кое-что новое...

- Отыскался ваш хозяин малярной мастерской? Как там его зовут?

- Планшон... Нет, он не объявился... Мы восстановили по времени, как он провел вечер в понедельник перед своим исчезновением... Вернувшись домой около одиннадцати часов вечера, он, оказывается, был настолько пьян, что не держался на ногах и несколько раз падал на тротуаре между площадью Бланш, где он выпил последнюю рюмку, и улицей Толозе...

- Он был один?

- Нет, в компании с публичной женщиной, с которой у него до этого были интимные связи. Она держала его под руку, потому что он еле передвигал ноги...

- Вы ей верите?

- Да, уверен, что она говорит правду... Это она позвонила в дверь, а потом быстро ушла, оставив шатающегося Планшона у стены дома... Не верится, что в таком состоянии он через несколько минут мог подняться на второй этаж, сложить свои вещи в два чемодана, спуститься с ними вниз по лестнице и без чьей-либо помощи выйти на улицу...

- А может, он принял какое-нибудь средство, чтобы протрезветь... Ведь есть же современные лекарства...

- Его жена и Пру сказали бы об этом...

- Пру - это любовник, не так ли? Это его вы вызывали?... Какие он дал показания?

Чувствуя тяжесть во всем теле и боль в голове, Мегрэ терпеливо и со всеми подробностями изложил историю о трех миллионах и о расписках. Он напомнил о своих сомнениях в подлинности подписи Планшона на акте продажи мастерской.

- Господин Пируэ, наш эксперт-почерковед, не дал категоричного заключения. По его мнению, документ мог быть подписан как самим Планшоном, находившимся в состоянии опьянения, так и другим лицом, который скопировал его подпись...

- Разве расписок было несколько?

- Да. Двадцать четвертого декабря Пру занял два миллиона старых франков - один у своего отца, другой - у шурина... Я дал указание одному из моих подчиненных снять фотокопии с этих расписок... В той, которую получил шурин, указывается, что одолженные деньги должны быть возвращены в течение пяти лет с выплатой шести процентов от общей суммы...

Расписка, что у отца, предусматривает возмещение долга в два года и без всяких процентов...

- Вы считаете, что эти расписки даны для отвода глаз?

- Нет!.. Мои сотрудники выяснили, что 23 декабря, до того, как он дал эту сумму в долг, отец Пру снял один миллион наличными со своего счета в сберегательной кассе, а всего у него там

хранится чуть больше двух миллионов... Что касается шурина, Мурье, то он в этот же день снял такую же сумму в почтовых чеках со своего счета...

- Вы, кажется, говорили о трех миллионах?

- Третий миллион снял сам Роже Пру со своего счета в банке "Лионский кредит"... Таким образом, к этой дате в доме Планшона находились три миллиона старых франков...

- Когда был подписан акт о продаже малярной мастерской?

- Двадцать девятого декабря... Похоже, Пру и его любовница собрали деньги до Рождества с тем, чтобы сразу же после праздников заставить Планшона подписать этот документ...

- В таком случае, я не вижу...

Не дав помощнику генерального прокурора закончить фразу, Мегрэ добавил:

- Господин Пируэ исследовал чернила на подписи... Он не смог определить по ним точную дату, но утверждает, что подпись была поставлена более двух недель назад...

- Что вы намерены предпринять? Вы отказываетесь от дальнейшего расследования?

- Я пришел, чтобы попросить у вас разрешение на обыск.

- После того, что вы мне только что рассказали? Смущенный Мегрэ утвердительно кивнул головой.

- Что же вы надеетесь найти в доме? Труп вашего Планшона?

- Его там наверняка нет.

- Наличные деньги?

- Затрудняюсь ответить...

- Вы в самом деле хотите произвести обыск?

- В понедельник, около одиннадцати часов вечера, Планшон был до такой степени пьян, что не мог держаться на ногах...

- Подождите меня здесь минуту... Я не могу взять ответственность на себя... Пойду доложить в двух словах об этом деле прокурору...

Мегрэ дождался его минут двадцать, сидя один в роскошном кабинете.

- Он, как и я, вовсе не в восторге от вашей идеи с обыском...

Особенно сейчас, когда пресса критикует любую акцию полиции... Ну уж ладно, так и быть!..

Мегрэ все же добился согласия прокуратуры и через несколько минут уже держал в руках подписанный ордер на обыск.

Проходя мимо кабинета инспекторов, он резко открыл дверь и увидел лишь одного Жанвье.

- Возьми во дворе машину... Я сейчас спущусь... Затем комиссар позвонил в отдел научно-технической экспертизы и приказал Моэрсу:

- Выбери самых толковых парней и приезжайте как можно скорее в дом на улице Толозе...

Мегрэ спустился вниз, уселся в небольшую машину и бросил Жанвье:

- На улицу Толозе...

- Вы получили ордер на обыск?

- Мне пришлось буквально вырвать его у них... Как подумаю, что меня ждет, если мы не найдем никаких улик в доме... Жена Планшона и ее любовник могут ведь закатить тогда скандал...

Он так погрузился в свои мысли, что не замечал выглянувшего впервые за последние дни солнца.

Жанвье, сидя за рулем, лавировал между автобусами и такси и говорил комиссару:

- Вообще-то люди такой профессии в субботу не работают... Думаю, это запрещено профсоюзами... Обойдется дешевле, если рабочим заплатить за сверхурочные часы... Поэтому мы наверняка застанем Пру дома...

Его там не было. Им открыла дверь Рене после того, как разглядела их из окна. Держалась она более настороженно и угрюмо, чем во время первого визита Мегрэ.

- Опять вы! - воскликнула она.



- Пру дома?

- Он пошел закончить срочную работу... Что вам нужно на этот раз?

Комиссар вынул из кармана ордер на обыск и протянул ей.

- Вы будете обыскивать дом?.. Ну и дела, вот до чего дошло...

Машина отдела научно-технической экспертизы, набитая людьми и приборами, въехала во двор.

- А это что еще за люди?

- Мои сотрудники... Сожалею, но нам понадобится какое-то время...

- Вы все перевернете вверх дном?

- Боюсь, что да.

- Вы уверены, что у вас есть на это право?

- Ордер подписал помощник генерального прокурора. Она пожала плечами:

- Мне это ни о чем не говорит! Я даже не знаю, кто он такой, ваш помощник генерального прокурора!

Однако она позволила им войти, бросая на всех злобные взгляды.

- Надеюсь, вы закончите обыск до прихода дочери из школы?

- Это будет зависеть...

- От чего?

- От того, что мы найдем.

- Не скажете, что вы собираетесь искать?

- Ваш муж в понедельник вечером ушел с двумя чемоданами, так?

- Я вам об этом уже говорила.

- Полагаю, он унес с собой и три миллиона, которые ему выплатил Пру двадцать девятого декабря?

- Этого я не знаю. Мы вручили ему деньги, и нам было плевать, что он с ними сделает...

- На его счету в банке их нет.

- Значит, вы проверили?

- Да... Вы сами сказали, что друзей у него не было... Поэтому маловероятно, что он отдал кому-то эту сумму на хранение...

- Что вы этим хотите сказать?

- Двадцать девятого декабря он получил деньги, но с собой не носил...

Три миллиона франков - это слишком толстая пачка денег...

- Ну и что из этого?

- Ничего...

- Вы собираетесь искать эти деньги?

- Ничего не могу сказать...

Эксперты принялись за работу, начав обыск с кухни. Такая работа была для них привычной, и они вели обыск по своей методике: не пропускали ни один уголок, рылись в металлических банках из-под муки, сахара или кофе, опорожняли содержимое мусорных ведер.

Они двигались по дому так же непринужденно, как танцоры балета на сцене, и жена Планшона взирала на них с изумлением.

- А кто приведет все в порядок? Мегрэ промолчал.

- Я могу позвонить по телефону? - спросила она.

Она позвонила в квартиру на улице Лемарк некоей мадам Фажон и попросила позвать к телефону маляра, который там работал.

- Это ты?.. Они снова пришли... Да, комиссар с толпой людей, которые перевернули весь дом вверх ногами... Один даже что-то фотографирует...

Нет! Кажется, у них есть ордер на обыск... Показали какую-то бумагу и утверждают, что ее подписал помощник генерального прокурора... Да...

Думаю, тебе лучше прийти сюда...

Она смотрела на Мегрэ злыми глазами, полными вызова.

Один из экспертов принялся соскребать какие-то пятна на паркете в столовой и собирал крошки в маленькие пакетики.

- Что он там делает? Может, считает, что я плохо вымыла пол?

Другой специалист деревянным молоточком простукивал стены. Висевшие на них фотографии и репродукции картин упали на пол, и их снова повесили на свои места, но довольно криво.

Двое экспертов поднялись на второй этаж, откуда доносились их шаги.

- Они будут искать и в спальне дочери?

- Сожалею, но это необходимо...

- Что я скажу Изабелле, когда она вернется домой? Впервые Мегрэ позволил себе пошутить:

- Скажите ей, что мы играли в искателей сокровищ... У вас нет телевизора?

- Нет... Мы должны были купить его в будущем месяце...

- Почему вы сказали "должны были"?

- Должны были, должны - какая разница?.. Мне только не хватает следить за своими словами...

Жанвье, разумеется, она узнала.

- Я ведь помню этого типа: он приходил сюда измерять рулеткой комнаты и выдумал, бог знает, какой предлог...

За окнами послышался шум мотора, и во дворе появилась машина.

Хлопнула дверца, кто-то быстро шагал к дому. Рене, ожидавшая Пру, устремилась в двери.

- Ты только погляди!.. - жаловалась она ему. - Они ищут повсюду, роются даже в кастрюлях и белье... Поднялись и туда, в комнату малышки...

Губы Пру дрожали от гнева, когда он смотрел на Мегрэ.

- Кто вам это позволил? - спросил он срывающимся голосом.

Мегрэ протянул ему ордер на обыск.

- А если я позвоню адвокату?

- Это ваше право. Он будет лишь свидетелем при обыске...

Около полудня послышался стук решетчатых ворот во дворе, и через окно Мегрэ увидел Изабеллу, вернувшуюся из школы. Мать бросилась ей навстречу и заперлась с ней в кухне, где сотрудники отдела научно-технической экспертизы уже закончили свою работу.

Конечно, можно было опросить девочку и выяснить интересные вещи, но Мегрэ редко, лишь в исключительных случаях, прибегал к такому приему.

Поиски в кабинете ничего не дали. Часть людей направилась в глубь двора, чтобы осмотреть пристройку, а один полицейский даже взобрался в кабину грузовика.

Работа проводилась тщательно, выполняли ее опытные специалисты, мастера своего дела.

- Вы не можете сюда подняться, господин комиссар? - позвал голос со второго этажа.

Пру, тоже слышавший эти слова, стал вслед за Мегрэ подниматься по лестнице.

Вид детской комнаты, где в кроватке лежал плюшевый медвежонок, напоминал семейный переезд на новую квартиру. Платяной шкаф с зеркалом был повернут в угол, вся мебель сдвинута со своих мест, а красноватого цвета линолеум, покрывавший пол, поднят.

Одну из деревянных планок оторвали и вынули из нее гвозди.

- Посмотрите сюда...

Но Мегрэ прежде всего бросил взгляд на Пру, который стоял в проеме двери. Лицо любовника стало таким жестким, что комиссар на всякий случай предупредил:

- Эй, там внизу! Будьте повнимательней...

Однако Пру не сделал ни малейшего движения, как того ожидал комиссар.

Он застыл на месте и, казалось, у него вовсе не было желания посмотреть на дыру в полу, откуда высовывался какой-то сверток, обернутый в газетную бумагу.

Пока фотограф не сделал снимки, никто ни к чему не притрагивался. В тайнике оказались три пачки купюр до десять тысяч франков. Деньги в одной из пачек, которую взял в руки Мегрэ, были совсем новые и хрустящие.

- Вы хотите что-то сказать, Пру?

- Я ничего не знаю.

- Разве не вы положили деньги в тайник?

- А для чего мне было их туда класть?

- Вы по-прежнему подтверждаете, что в понедельник вечером ваш бывший хозяин ушел из дома с двумя чемоданами, оставив здесь три миллиона франков?

- Мне нечего добавить к тому, что я уже говорил.

- Это не вы подняли линолеум, вынули гвозди из планки паркета и спрятали в полу десятитысячные купюры?

- Ничего не могу сказать больше того, что говорил вчера.

- Может быть, деньги спрятала здесь ваша любовница? Во взгляде Пру появилась нерешительность.

- Спрятала она их или нет - меня это не касается.

## ГЛАВА VIII

"Спрятала она их или нет - меня это не касается".

Тон, которым была произнесена эта фраза, и особенно нерешительный в тот момент взгляд Пру надолго запечатлелись в памяти Мегрэ.

В ту субботу свет в его кабинете на набережной Орфевр горел до самого рассвета. В целях предосторожности комиссар посоветовал каждому из любовников взять себе адвоката. Поскольку знакомых адвокатов у них не было, им предложили список, и они выбрали защитников наобум.

Таким образом, все было строго по закону. Адвокат Рене оказался молодым блондином, и она принялась сразу же с ним кокетничать. Адвокат Пру, наоборот, был пожилым человеком, с неумело завязанным галстуком, нечистым нижним бельем, черными ногтями. Говорили, что он целыми днями охотился за клиентами в кулуарах Дворца правосудия.

Десять, двадцать, сто раз Мегрэ задавал одни и те же вопросы, обращаясь то к Рене Планшон, то к Роже Пру, а часто - и к обоим сразу.

На первых допросах, когда обвиняемые сидели друг против друга, они как бы консультировались между собой взглядами. Затем какое-то время их допрашивали отдельно и вновь вместе, и тогда во взглядах у них появилось взаимное недоверие.

Увидев их в первый раз, Мегрэ невольно залюбовался ими и сравнил с парой хищников. Теперь же пары как таковой не существовало. Остались одни лишь хищники, действовавшие каждый сам по себе, и чувствовалось, что при малейшей возможности они были готовы разорвать друг друга.

- Кто нанес удар вашему мужу?

- Не могу сказать. Да и был ли вообще этот удар? Я ушла в спальню до того, как он ушел...

- Но вы же мне говорили...

- Я уже забыла, что говорила... Своими вопросами вы меня совсем запутали...

- Вы знали, что три миллиона находились в комнате вашей дочери?

- Нет.

- Вы слышали, как ваш любовник отодвигал мебель, поднимал линолеум, отрывал планку паркета на полу?

- Меня часто не бывает дома... Повторяю, что ничего не знаю... Можете сколько угодно задавать вопросы, я ничего другого вам не скажу...

- А вы слышали, как грузовик выезжал из двора в ночь с понедельника на вторник?

- Нет.

- Однако ваши соседи это слышали.

- Мне на них наплевать.

Мегрэ сказал не правду, прибегнув к грубой ловушке. Консьержка из соседнего дома ничего не слышала. Правда, ее привратницкая находилась в противоположной стороне двора. Опрос жильцов этого дома тоже ничего не дал.

Что касается Пру, то он упрямо повторял свои показания, которые он дал на первом допросе в полицейском управлении.

- Я уже лег спать, когда он вернулся домой... Рене поднялась с постели и пошла в столовую... Я слышал, как они долго о чем-то говорили... Потом раздались шаги на втором этаже...

- А у дверей вы не подслушивали?

- Если я вам уже это говорил, то, значит, так и было...

- Вы слышали, что происходило за дверью?

- Не очень отчетливо...

- Вы могли слышать, как ваша любовница наносила удар Планшону?

- Я снова лег в кровать и сразу же заснул.

- До ухода вашего бывшего хозяина?

- Точно не помню.

- Вы слышали, как закрылись ворота во дворе?

- Я ничего не слышал...

Адвокаты поддерживали позицию каждого из своих клиентов. В пять часов утра Пру и его любовницу, каждого по отдельности, отвели в тюрьму полицейского управления. А Мегрэ возвратился домой, и ему удалось поспать всего лишь один час. Проснувшись, он выпил пять чашек крепкого черного кофе, прежде чем снова направиться в слишком помпезные, как он считал, кабинеты прокуратуры. На этот раз, хотя и было воскресенье, комиссара принял сам генеральный прокурор, и разговор между ними длился почти два часа.

- Тело до сих пор не нашли?

- Нет.

- Следы крови в доме или грузовике обнаружены?

- Пока нет.

Из-за отсутствия трупа нельзя было предъявить паре любовников обвинение в убийстве. Уликами являлись лишь денежные купюры, которые, если верить акту продажи мастерской, принадлежали Планшону и никоим образом не должны были находиться в тайнике в полу комнаты Изабеллы.

Дочь Планшона отправили в детский приют.

У Мегрэ еще было право допросить обвиняемых в понедельник утром, после чего дело взял в свои руки судебный следователь. Комиссару ничего не оставалось, как смириться с этой новой процедурой расследования.

Может, следователю повезет больше, чем ему? Тот его ни о чем не информировал, и Мегрэ не знал, как идет расследование.

Лишь через неделю из Сены, в районе плотины Сюрнес, выловили какое-то тело. Его опознало около дюжины человек, и в первую очередь владельцы баров на Монмартре, куда каждый вечер заходил Планшон, а также его признала девица, называвшая себя Сильвией.

Пру и Рене Планшон, раздельно доставленные на опознание почти разложившегося уже трупа, не проронили ни слова.

По заключению судебного медика, Планшон был убит несколькими ударами, нанесенными в голову каким-то тяжелым предметом, завернутым в материю.

Видимо, после убийства тело засунули в мешок и завязали. Между экспертами разгорелся жаркий спор относительно этого мешка и веревки. В пристройке, расположенной в глубине двора, нашли такие же мешки и похожую веревку, которой крепили малярные лестницы. По мнению некоторых специалистов, мешок и веревка, извлеченные из Сены, содержали те же компоненты.

Все это Мегрэ узнал только через несколько месяцев. Весной зацвели каштаны. Прохожие прогуливались в легкой одежде. Поступило известие, что полиция арестовала одного молодого англичанина, обвинив его в кражах драгоценностей, совершенных в роскошных отелях на Елисейских полях.

Интерпол задержал вора в Австралии, в то время как отдельные, уже без оправы, драгоценные камни были обнаружены в Италии.

Дело Планшона попало в суд незадолго до начала отпускного периода, и Мегрэ вместе со знакомыми и незнакомыми ему свидетелями был вызван в зал ожидания.

Когда наступила его очередь предстать перед судом, он, едва лишь взглянув на подсудимых, понял, что любовная страсть Рене Планшона и Роже Пру превратилась во взаимную ненависть.

Каждый из двоих стремился выгородить себя, взвалить всю вину на другого. Они обменивались злобными взглядами.

- Вы клянетесь говорить правду, только правду и одну только правду?..

Привычным жестом - он столько раз делал его в суде - Мегрэ поднял руку.

- Клянусь!

- Расскажите присяжным все, что вы знаете об этом деле.

Комиссар заметил, что в тот момент подсудимые смотрели на него с нескрываемой ненавистью. Разве не он начал расследование и не из-за него их арестовали?

Разумеется, суду было ясно, что преступные замыслы вынашивались давно, и убийство было преднамеренным. Не хитрил ли Пру, когда двадцать четвертого декабря брал в долг два миллиона у отца и шурина?

Разве не естественным выглядело желание Пру выкупить мастерскую у окончательно опустившегося хозяина-пьяницы?

Обе расписки оказались подлинными. Деньги Пру действительно получил.

Но Планшон никогда не держал их в руках. Он не догадывался, что замышлялось в его собственном доме. Даже если все же и догадывался, то совершенно не ведал, что операция уже началась, и двадцатого декабря или, во всяком случае, приблизительно в эти дни, его жена напечатала акт о продаже малярной мастерской, на котором была подделана его подпись.

Кто это сделал? Рене или ее любовник?

По этому вопросу эксперты тоже спорили до хрипоты, а двое из них далее поссорились.

- Вечером в субботу... - начал рассказывать Мегрэ.

- Говорите громче.

- Вечером в субботу, когда я вернулся домой около семи часов, я увидел у себя в квартире ожидавшего меня человека.

- Вы его знали раньше?

- Нет, не знал, но сразу догадался, кто он был, - из-за заячьей губы... Потому что в течение почти двух месяцев до этого какой-то мужчина, приметы которого совпадали с моим посетителем, приходил на набережную Орфевр по субботам во второй половине дня, но исчезал до того, как у меня появлялась возможность его принять...

- Вы действительно утверждаете, что речь шла о Леонаре Планшоне?

- Да.

- Чего он хотел от вас?

Повернувшись к присяжным, комиссар стоял спиной к подсудимым и не мог видеть их реакцию на свой рассказ.

Не были ли они удивлены, что, вопреки их ожиданию, он только что дал показания, играющие им на руку?

После полной тишины в зале послышался гул голосов, но председательствующий судья пригрозил вывести зрителей из зала, и порядок восстановился. Мегрэ четким голосом продолжал давать показания:

- Он пришел ко мне домой, чтобы сообщить о своем намерении убить жену и ее любовника...

Мысленно он желал попросить прощения у бедняги Планшона. Но разве он не поклялся только что говорить правду, только правду и одну только правду?

В полной тишине комиссар ответил на все вопросы председателя суда и имел право остаться в зале как зритель. Однако он был вынужден покинуть зал после того, как ему сообщили о краже, совершенной в одной из шикарных квартир на улице Лористон.

Подсудимые отказались признать свою вину. Однако улики были настолько неопровержимыми, что суд присяжных объявил их убийцами.

По чистой иронии показания Мегрэ дали Роже Пру смягчающие обстоятельства и спасли его от смертного приговора.

- Вы заслушали показания комиссара... - заявил его адвокат. - Намерение убить было и у жертвы, и у подсудимого... Но если убийцей стал мой клиент, то он совершил преступление, чтобы защитить свою жизнь...

Антуанетта, девица с длинными ногами и пышными бедрами, выдававшая себя за Сильвию, находилась в зале, когда главный присяжный зачитывал приговор.

Роже Пру приговорили к двадцати годам тюремного заключения, а Рене Планшон - к восьми. Она смотрела на своего бывшего любовника с такой ненавистью, что по спине зрителей в зале пробежал холодок.

- Вы читали, шеф?

Жанвье показал Мегрэ газету с еще свежей краской, на первой странице которой сообщалось о приговоре.

Комиссар лишь бросил на заметку быстрый взгляд и пробормотал:

- Бедный тип!

Не было ли у него ощущения вины за то, что он тем самым как бы предал человека с заячьей губой, последние слова которого были:

- Я вас благодарю...